

Василий ВОРОН

Промысел БОЖИЙ

Город
священного
камня

роман часть 2

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Василий Ворон

Промысел божий-2.

Город священного камня

<https://litres.ru/73593419>

SelfPub; 2026

Аннотация

Продолжение романа "Промысел божий". Главный герой, будучи молодым богом, поселяется в Санкт-Петербурге и узнаёт древнюю тайну северного города, обретает любовь и наказывает террористов. В романе говорится о более правдоподобной версии возникновения города на Неве, истории создания каменных сооружений и скульптур.

Содержание

Часть 2	4
Частичка Первая: Ужас на Невском проспекте	5
Люциферовна	7
Будни Всеслава	28
Сосед Люциферовны	38
Мамина картина	56
Дачная пауза	65
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Василий Ворон
Промысел божий-2.
Город священного камня

Часть 2

ГОРОД СВЯЩЕННОГО КАМНЯ

*«Когда тревога свяжет
И холодно в груди,
К ступеням Эрмитажа
Ты в сумерках приди,
Где без питья и хлеба,
Забывшие в веках,
Атланты держат небо
На каменных руках»*
Александр Городницкий

Частичка Первая: Ужас на Невском проспекте

– Вон он! – крикнул придушенный голос.

Коротко ударили и сейчас же смолкли автоматы. Андрей успел заметить только что-то огромное, чуть ли не выше домов, уродливое, с торчащими в разные стороны обрубками и шипами. Оно отбросило вдоль улицы бесконечную тень и сразу же свернуло за угол в двух кварталах выше по улице. Исчезло из виду, а тяжёлые удары кувалды по хрустящему камню сделались тише, а вскоре затихли совсем.

– Что там произошло, сержант? – произнёс спокойный голос полковника над головой Андрея.

... – Посторонний, господин полковник! – с отчаянием в голосе выпалил Терман. – Не отзывался. Шёл прямо на меня. Земля дрожала!.. Согласно уставу окликнул два раза, потом открыл огонь...

...Потом сержант вдруг гулко прочистил горло и надвинул фуражку на лоб, кто-то тихо, с отчаянием, выругался, а Андрей всё ещё не понимал, и только когда незнакомый голос у него над ухом прохрипел: «Господи, твоя воля!..» – Андрей, наконец, понял. У него волосы зашевелились на затылке и ослабели ноги.

Статуи на углу не было. Огромный железный человек с жабым лицом и пафосно растопыренными руками исчез.

Братья Стругацкие, «Град обреченный»

Люциферовна

Как-то само собой получилось, что рисовать она стала древнерусского воина: в кольчуге, островерхом шлеме, остроносых сапогах. Он стоял посреди поля, и это была уже не битва, а момент сразу после неё. Воин стоял усталый, он только что опустил свой двуручный меч, залитый кровью врагов, и держал его одной рукой. И смотрел он, надо полагать, на поверженного противника – спокойно смотрел, отрешённо даже, без ненависти, и была в его взгляде тоска и всё та же усталость человека, хорошо сделавшего свою непростую и тяжкую работу. И хотелось ему одного: лечь здесь же, посреди убитых врагов и сотоварищей и уснуть, провалиться в сон, дарующий облегчение и забытьё.

Люциферовна отстранилась от листа в блокноте, сунула за ухо карандаш и ещё раз окинула рисунок взглядом. А хорошо получилось, подумала она. Надо потом сделать то же самое на планшете.

Она вскочила с кресла и помчалась на кухню творить зелёный чай.

Отцу её, доценту Военно-медицинской академии, родители дали имечко не из простых, а именно Люций. Дело в том, что его отец и дед Люциферовны, был специалистом по романистике и Древнему Риму, знавшему латынь и ещё несколько языков романской группы. Он-то и наградил ред-

ким именем сына, невзирая на протесты жены и других членов семьи. Впрочем, всю жизнь его звали Лукой и быть бы Люциферовне Марией Лукиничной, но строгая паспортистка в ЗАГСе, сверившись со свидетельством рождения Луки Петровича, вывела в краснокнижном документе его дочери даже не Люциевна, но «Люциановна». Так ей показалось более правильным. Происхождение же её погонялова следующее.

Будучи половозрелой, но всё ещё недалёкой отроковицей, Мария Люциановна зашла как-то в поликлинику за справкой для посещения бассейна. Надо заметить, что Мария в то сумбурное время бурления гормонов активно слушала такие группы, как «The Cure», «Him» и «Агата Кристи», и выглядела соответственно, а именно: взлохмаченный хаер был чёрен, застиранная футболка с принтом Роберта Смита, ультракороткая юбка цвета ада была вдобавок украшена клёпками из нержавеющей стали и всё это зиждилось на суровых чёрных же сапогах на чудовищной платформе или армейских ботинках, купленных в Военторге у метро Маяковская. Довершала образ боевая раскраска лица всё в тех же гуталиновых оттенках: чёрные тени (вернее сказать, круги вокруг глаз), чёрная помада, и чёрные коготки пальцев, увитых колечками и перстнями с черепами. Даже бабушки на лавочке у парадного терялись при её появлении, ибо все ругательные эпитеты равно подходили ей. Так вот, в описанном выше наряде, она заявила в поликлинику. Участковая врач-педиатр была за-

нята и справку Маше составляла медсестра. Быстро заглянув в карту, она и состряпала необходимый документ.

На занятия по плаванию Маша ходила в иной экипировке, простой и неброской. Лишь аспидно-чёрный хаер пугал персонал, который был уверен, что сто́ит худенькой девочке оказаться в бассейне, как по воде немедленно пойдут чернильные разводы, сродни тем, что выпускает кальмар, уходя от преследования. Опасения, впрочем, не подтвердились: Мария Люциановна использовала для придания нужного оттенка волосам хорошую немецкую краску, которой её снабжали чуваки из тусовки го́тов, выглядевшие точно так же, с корректировкой по половой принадлежности.

Уже гораздо позднее, после трёх месяцев посещения бассейна, Маша заглянула в ту справку, где было написано, что данный документ «выдан Марии Люциферовне Горностаевой». В тот же вечер исторический листок был гордо предъявлен членам тусовки на Готовальне¹ и тогда же чувиха по кличке Стая мгновенно и бесповоротно была окрещена Люциферовной.

С тех пор многое изменилось в жизни Люциферовны: юбки стали длиннее, и поменяли фасон и цвет, макияж приобрёл скромность и меру, из жгучей брюнетки она перекрасилась в блондинку, «Агата Кристи» переместилась в архив, но лишь погоняло осталось неизменным.

Залив пакетик чая кипятком, Люциферовна вернулась в

¹ Площадь Искусств

комнату. Сегодня была пятница и по возвращению Серёжки с работы они должны были посетить, наконец, усадьбу Репина «Пенаты».

Познакомились они около года назад словно два туриста – «на Кругу», прямо у Столба², хотя оба были петербуржцами. Люциферовна была коренной, Серёжка же у понаехавших родителей появился на свет уже здесь, в граде на Неве и у обоих в паспорте местом прописки был указан СССР и город Ленинград.

В тот день Люциферовна приехала на Дворик, чтобы сделать рисунок ангела, который сурово и свысока смотрел прямо на подножие своего невероятного постамента. Она прихватила с собой складной лёгкий стул с матерчатой спинкой и сиденьем, который всегда брала с собой, когда выезжала на натуру вместе с этюдником. Рисовать ангела было весьма непросто, приходилось то задирать голову круто вверх, то опускать к листу, лежащему на коленях. Тогда она не стала брать громоздкий этюдник, довольствуясь лишь плотной папкой с запасом листов. Там её и заметил Серёжка. Сначала он незаметно наблюдал за её работой, и лишь когда Люциферовна закончила рисунок, подошёл и познакомился.

Он не был связан с творчеством. Мало того, был далёк от него: работал менеджером среднего звена в совместной российско-финской фирме. Что-то они там продавали, но

² На Дворцовой площади у Александровской колонны, также в просторечии «Дворик»

что именно, Люциферовна никогда не интересовалась. Ей это было неинтересно. Интересен был сам Серёжка: высокий, ладный, в стильных очках в оправе, которая стоила как весь этюдник Люциферовны. Тёмный костюм невероятно шёл ему, Люциферовна и не думала никогда, что в её круге будет человек, носящий подобное. Каждый раз, когда они встречались, на нём был другой галстук, который Серёжка ловко завязывал самостоятельно, умея творить три разных узла. Однажды после корпоратива он зашёл к ней при «бабочке», которая тоже была настоящей и тогда она узнала, что в развязанном виде выглядит эта самая «бабочка» странно и нелепо. Жил он в неслабой новостройке неподалёку от Приморского шоссе с видом на залив и кукурузину «Лахта центра». Квартирка была однокомнатная, но всё равно больше двухкомнатной хрущёвки Люциферовны. Закончил он экономический в Техноложке, потому что, в отличие от Люциферовны, имел чёткий план жизни. Она прикидывала, обратил бы он на неё внимание лет 10 назад, когда она выглядела радикальным образом и действительно напоминала дочь павшего ангела и понимала, что тогда их дороги никак не могли пересечься. В молодости Серёжка, конечно, тоже слушал не классическую музыку, и у них даже нашлись общие интересы в виде той же группы «Пикник» и зарубежных парней из Rammstein. Но он так вызывающе не одевался: не позволяло строгое воспитание (отец у Серёжки был военным).

Серёжка трогательно интересовался детством Люциферовны, любил рассматривать её фотоальбомы, где она прилежно сидела за партой и смеялся, глядя на редкие снимки в чёрном прикиде и мрачном макияже.

– Что, побоялся бы ты познакомиться с такой оторвой? – толкала она его локтем в бок.

– Вот ещё, – фыркал он, указывая на фотографию: – Мне очень нравится вот эта короткая юбка.

Ноги у Люциферовны были, и правда, хороши. Даже без обычного женского фотошопа колготок или чулок, скрывавших мелкие изъяны, сеточку вен, а то и целлюлит, её ноги являли собой совершенство и она привыкла, что мужчины, да и женщины провожали её взглядом – первые любуясь, вторые люто завидуя.

Люциферовна улыбалась, но в душе была не согласна со словами Серёжки. Он и кличку её игнорировал, называя Машей, и мягко настаивал, чтобы она уже «повзрослела». Он постепенно приручал её и она была не против. Единственную её привычку он не мог победить: Люциферовна курила. Он критиковал её, объяснял вред и живописал последствия этой нехорошей привычки, но искоренить не сумел. Люциферовна просто не курила в его присутствии.

Он страдал от её курения, но не физически, не перенося дым, а априори, просто потому, что в его семье никто никогда не курил. И всё ждал, что она внемлет его призывам и

перестанет вдыхать этот гадкий дым. Но она не переставала. А он всё надеялся, что однажды всё выйдет по его плану.

И ещё он искренне интересовался её рисунками, требуя посмотреть новую работу, и она с радостью делилась с ним. Он был несведущ в искусстве вообще и в живописи в частности, но терпеливо ходил с ней в Русский музей и слушал её восхищённые комментарии к работам великих художников. Однажды они на три дня выбрались в Москву, где Люциферовна провела в Третьяковке безвылазно целый день, с утра до того самого времени, когда посетителей принялись вежливо, но непреклонно выпроваживать строгие тётеньки-смотрительницы.

Картины она рассматривала долго, подробно, то отойдя подальше, то приблизившись и изучая мелкие детали. Серёжка успевал обойти весь зал, а она всё стояла у одного-единственного полотна, не в силах оторваться. Потом отыскивала на банкетке в центре зала усталого Серёжку, тащила, например, к картине Репина «Крестный ход в Курской губернии» и горячо шептала на ухо:

– Ты посмотри, какие лица! Не лица, а рыла, Серёжка! Прямо как на картине Босха «Несение креста». Единственное приличное лицо у горбуна, вон он, видишь, с костылём идет? У нас, в Русском музее, карандашный эскиз этого горбуна. Остальное всё москвичи захапали... Мало им.

Серёжка рассеянно слушал, вежливо улыбался и ждал, когда Люциферовна наестся своей живописи до отвала.

Потом, с отваливающимися ногами, они сидели в каком-то столичном ресторанчике и Люциферовна клянчила: – Может, завтра ещё на часик забежим, а, Серёжка?

Но тут он был непреклонен, справедливо полагая, что Москва богата не только картинными галереями, а часиком в Третьяковке явно не обойдётся.

Люциферовна избегала приглашать его в свою хрущёвскую конуру, стесняясь обшарпанных стен, старой мебели и всеобщего запустения. Квартира досталась ей после смерти бабушки-блокадницы, и у Люциферовны не хватало ни времени, ни тем более капиталов, чтобы привести её в приличное состояние. Серёжка, впрочем, не настаивал, относясь к логову Люциферовны снисходительно-терпеливо, и хоть его зубная щетка с чашкой поселились в её квартире, но, в основном, они проводили время у него.

Купив бутыль вина, они садились на широкий подоконник и с одиннадцатого этажа замороженно наблюдали закат красного леденца солнца, медленно тающего в Финском заливе. А потом перемещались в кресло: он в него, а она ему на колени, как кошка, и слушала его рассказы о грядущих командировках в Финку, и о том, что его скоро могут сделать руководителем какого-то там отдела, и что квартиру можно будет тогда поменять на бóльшую. Она слушала его, часто задрёмывая, и после просыпалась уже в постели, заботливо раздетая и укрытая одеялом, и снова счастливо прижималась к нему, уже спящему рядом.

Вообще говоря, Люциферовна тоже имела образование. По настоянию родителей она окончила педучилище, став учителем русского языка и литературы, и даже вела четыре года целый класс малышей, будучи учителем начальных классов и их классным руководителем. Но из школы она всё-таки ушла. С детства она обожала изводить бумагу, бесконечно рисуя всё, что приходило ей в голову, всё, что она видела вокруг, всё, что могла вообразить. Ещё со школы она посещала кружок изобразительного искусства, в старших классах уже ходила на курсы в художественную школу. Потом был провал из-за педа, а в школе с упоением она преподавала лишь «изо» своей малышне, привив, надо сказать, сразу пятерым из двадцати четырёх любовь к рисованию. Самостоятельно и ещё благодаря помощи одного своего знакомого она научилась рисовать на компьютере, освоив всё семейство программ Adobe, включая рисование с помощью графического планшета. Параллельно с рисованием она любила фотографировать и постепенно завела себе зеркальную фотокамеру, сменные объективы и другие приспособления, включая специальный рюкзак, куда всё это хозяйство можно было уложить.

Как-то, в поисках работы, она набралась смелости заявить себя как дизайнера-верстальщика и её взяли в рекламную компанию, где лепили и печатали плакаты, буклеты, визитки и всё подобное, необходимое различным конторам. Потом грянул кризис, компания разорилась и Люциферовна три го-

да перебивалась случайными заработками, и даже вела кружок рисования для детей в доме творчества.

После была ещё одна контора по новоприобретённой специальности, небольшая рекламная типография. Всё бы ничего, но владели ею муж и жена, где муж являлся главой, а жена коммерческим директором. Начальник был мужик вполне нормальный, все сотрудники его любили за адекватность и простоту обращения, подкачала лишь его супруга. К приходу Люциферовны она лишь недавно вышла из декретного отпуска, нарожав мужу троих мальчишек, отчего её разнесло вширь: это дело понятное и деликатное – рожать детей работа тяжёлая. Зато далее шли качества, с которыми трудно было мириться. Во-первых, у неё был невероятно высокий голос, так не идущий её габаритам. Ко всему прочему она была москвичкой и говорила с акцентом жителей этого города, растягивая гласные. Во-вторых, она очень любила, чтобы персонал ходил по струнке, постоянно устраивала кому-нибудь выволочки, причём происходило это всё прилюдно, чтобы порка была видна всем. Когда она выходила из себя, причём бывало это довольно часто, голос её переходил на ультразвук, словарный запас удваивался за счет ненормативных словечек, и визгливые рулады разносились далеко по коридорам офисного центра, где находилась контора. Создавалось впечатление, что она барыня в поместье, где весь персонал сплошь крепостные холопы: чернь и быдло.

Люциферовна её люто ненавидела, изо всех сил стараясь

сдерживаться, когда та предъявляла ей претензии. Продержалась она целых два года, и кончилось всё довольно предсказуемо. Надо добавить, что звали директрису Ниной и как-то, устроив выволочку Люциферовне и перейдя на личности, она довела её терпение до последней стадии. У Люциферовны сорвало предохранительный клапан и она высказала всё, что думает о директрисе, вдобавок назвав ту «невоспитанной свиНиной», после чего была немедленно уволена.

Пришлось выкручиваться на вольных хлебах, и как-то всё получилось: Люциферовна обросла клиентами, для которых рисовала то комиксы, то рекламные буклеты, то всякую мелочь типа авторских визиток. В числе прочего она стала внештатным художником в одном издательстве, где ей поручали иллюстрировать произведения каких-нибудь писателей-беллетристов. Люциферовна знакомилась с текстом, и выдавала обложку. Её уже стали рекомендовать другим подобным писателям и даже графоманам (как казалось ей), отчего работа всегда была. Словом, стала Люциферовна фрилансером и на жизнь ей вполне хватало. Не то чтобы совсем всё её устраивало, но голодной она не сидела. Квартира так и была в запустении, зато ноутбук был у Люциферовны самый правильный, и этюдник с художественными причиндалами тоже на уровне.

Лишь одно омрачало жизнь Люциферовне. У неё была способность видеть мёртвых. То есть в местах, где человек умер, она видела будто часть его прежней жизни, как пра-

вило, незадолго до смерти. Это было как голограмма, вернее, короткий голографический ролик. Так же мертвецы являлись ей не «в записи», а в настоящем времени. И вот это было по-настоящему жутко. Её они, впрочем, никак не понимали, но из таких мест Люциферовна бежала без оглядки, осложняя себе жизнь и взаимоотношения с другими людьми, потому что никогда не объясняла этой своей особенности. Об этом знали только родители и мама говорила, вздыхая:

– От бабушки это у тебя... Наградила, выходит, внучку. Меня, вот, миновало.

Из-за этой её способности родителям пришлось срочно съехать из коммунальной квартиры в другую, в неудобном районе. Проявилась эта её способность в 7 лет, она должна была в том году впервые идти в школу. У девочки в комнате вдруг случился ступор. Она замерла и стояла, глядя в угол, где стояла швейная машинка, никак не реагируя на оклик матери. Мама же и заподозрила неладное. Она аккуратно подошла к маленькой Люциферовне, взяла на руки и спросила:

– Что там, Манюня? Что ты увидела?

– Тётя... – пояснила Люциферовна, не сводя глаз со швейной машинки. – Упала тётя.

В поисках новой комнаты Люциферовну таскали с собой. Всюду она видела умирающих блокадников. Лишь в одной из коммунальных квартир было относительно спокойно: прежде квартира принадлежала какому-то крупному учёному или партийному функционеру и уплотнения она избежа-

ла. Относительно спокойно было в квартире, но не на лестничной клетке. В парадной Люциферовна стала регулярно встречать длинного худого старика, замотанного в какие-то тряпки. Он не был «голограммой», это был настоящий призрак. Он молча следовал за Люциферовной, но дальше порога коммуналки никогда не проникал. Поэтому она, уже будучи девочкой смышлёной, не стала поднимать панику и кое-как приноровилась к этому неприятному соседу. Она преодолевала лестницу всегда бегом и мама, разумеется, понимала, что дочери докучает нечто, но с расспросами не лезла. Через четыре года им удалось купить квартиру в кооперативном доме, и Люциферовна вздохнула с облегчением.

Со временем она привыкла к этой своей особенности и не подавала вида. Лишь однажды, в гостях у одноклассника, у которого до этого она никогда не была, на праздновании его дня рождения, она увидела картину, от которой она не смогла отстраниться. Там один человек зарубил другого топором и тут же принялся разделявать. Сославшись на дикую головную боль, Люциферовна убралась восвояси. Ходить по квартирам в исторической части Петербурга она избегала. На улице она часто видела упавших от бессилия ленинградцев, и лишь поначалу это было дико.

Бабушка Люциферовны всю войну провела в Ленинграде, работала на заводе «Арсенал», потому и выжила, ведь продовольственный паёк был рабочим. После войны, уже в эпоху Брежнева, помаленьку пользовала хворых людей: бы-

ла бабушка ещё и знахаркой. Лечила мелкие хворобы, но бо́льший успех имела за точное определение болезней. Главное своё умение бабушка особо не рекламировала, лишь близкие знали эту её способность. Умела она предвидеть недалёкое будущее. Вся родня ходила к ней за советом: женился ли кто, собирался ли купить что-то значимое, или ещё по какой важной надобности. Был и такой случай: дальний родственник, седьмая вода на киселе, из Москвы, приехал в Ленинград покупать у знакомого автомобиль «Волга». К бабушке и не думал обращаться – из-за дальности родственных отношений и не знал о такой её способности. Остановился же у неё. Та возьми да и просвети родственничка. Не покупай машину, сказала. Смерть тебе от неё грозит. Тот над бабушкой посмеялся и дела свои дальше стал вести. Бабушка связалась с его родственниками, объяснила ситуацию, но и те махнули рукой: виданное ли дело, отказываться от автомобиля, если и деньги есть, и машина приличная на примете! Словом, купил родственник вожеленный автомобиль, да и уехал на нём, счастливый, в столицу. Однако не доехал: влетел на Ленинградском шоссе уже на подъезде к Москве под фуру, дремавшую на обочине. Жив остался, но стал калекой. Мать рассказала Люциферовне, что бабушка не ошиблась, но сгустить краски решила для пущей убедительности.

Бабушка Люциферовны была интеллигентной, не смотри, что целительница. На заводе своём доросла до начальника производства, много читала, любила театр.

В свете изложенных подробностей жизни Люциферовны её игра в мрачных «готов» даже игрой не была: играли её друзья, она же таким образом просто адаптировала свою психику к реалиям. Оттого и дарованное ей судьбой погоняло она приняла спокойно и как логическое продолжение её собственного пути.

Именно в квартиру бабушки Люциферовна и вселилась: хата была «чиста» от покойников, в неё, свежестроенную, бабушка и въехала в начале 60-х годов. И, несмотря на то, что сама умерла в этой же квартире, Люциферовне никогда не являлась: считалось, что у настоящих ведуний это не практиковалось.

За спиной Люциферовны было уже две неудачные любви. Абортов дочери врача удалось избежать: детей ей не хотелось, она ещё не созрела до них. Мама дочь не упрекала: внуки были предоставлены ей младшей дочерью, Анной. Та вообще казалась более благоразумной, и всё у неё было по социальному стандарту: окончила универ, встретила будущего мужа, купили однушку, родили сына, через год появилась дочь. Роль тёти Люциферовне нравилась больше, нежели роль матери: она с удовольствием возилась с племянниками, особенно привязавшись к девочке – в трёхлетнем возрасте та была чудо как хороша, а именно забавна и мила. Люциферовна загадала, что если уж рожать, то такую же кроху. Мальчишки казались ей полными мороки: крики, баловство, ссадины и далее по списку. Лишь встретив Серёжку, Люци-

феровна решила: теперь можно себя попробовать в роли мамы.

Уже с утра её мучило неприятное ощущение. Казалось, что она на пороге каких-то серьёзных перемен. Внизу живота росло напряжение. Она даже подумала, что беременна, но собственный календарь утверждал обратное. Она всё-таки сделала тест, но, рассматривая единственную полоску, напоминающую знак минус, чувствовала, что гроза в животе не уходила. Дождавшись обеда, она написала Серёжке, что Пенаты сегодня отменяются, и предложила ему поскорее возвращаться домой. Серёжка легко согласился: вероятно, ему не очень хотелось бродить по усадьбе знаменитого художника, в его жизни их и так было с избытком.

Очень кстати пришло задание от одного из заказчиков. Нужно было сделать фотоколлаж. Люциферовна вылакала остывший чай и углубилась в работу.

Услышав стук входной двери, она выскользнула из-за стола и помчалась в прихожую. Кинулась, повисла на Серёжке. Он расцеловал её, зарылся лицом в волосах.

– Вкусно пахнешь. – Оглядев её, он нахмурился: – Что случилось?

Люциферовна удивилась:

– С чего ты взял?

– На тебе лица нет.

Она демонстративно ощупала своё лицо:

– Странно. Нос на месте, глаза тоже. Заработалась, наверное. В фотошопе три часа сижу.

– Точно ничего не случилось? – Серёжка серьёзно смотрел на неё.

– Точно, не волнуйся, – она поцеловала его в родинку на левой щеке. – Заходи уже.

Он прошёл в квартиру, а она забежала в ванную и посмотрела в зеркало. Лицо как лицо. С чего он взял, что ей не по себе? Но ведь он прав... Она решила более тщательно следить за своим лицом и вышла из ванной.

Вечер они провели обособленно друг от друга: Люциферовна возилась с заказом, Серёжка поужинал в одиночестве и стал резаться в одну из своих компьютерных игрушек.

В субботу они съездили к родителям Серёжки, на их дачу. Наталья Андреевна, мама Серёжки, замечательно ладила с Люциферовной, приняв её сразу и привечая как дочь.

– Она о внуках мечтает, – трогательно улыбаясь, пояснил Серёжка сразу после знакомства.

– А ты? – залюбовалась его лицом Люциферовна. Он рассмеялся:

– Мне ещё рано. А детей можно. Сына мне родишь?

– Может, лучше девочку? – захныкала она, и они решили, что пусть будут оба, но сначала дочь.

Заночевали у родителей.

Люциферовна проснулась среди ночи и поняла, что Серёжки рядом нет. Она поднялась и пошла в темноте на ка-

кие-то голоса. Тыкаясь на ощупь, она попала в какую-то незнакомую ей комнату. Здесь было темно, лишь посередине стоял стол, над которым светила резким и холодным светом мощная лампа. Люциферовне стало не по себе. На столе что-то лежало, закрытое простынёй. Вокруг стояли незнакомые люди и негромко переговаривались. Она приблизилась к столу. Люди как-то сразу замолчали и отошли в сторону, давая ей дорогу.

– Вы готовы? – услышала она вопрос, адресованный ей, но не ответила, зачарованно глядя на то, что было укрыто простынёй. Чья-то рука отвела простыню в сторону и Люциферовна увидела чьё-то страшное, обезображенное лицо. На левой, уцелевшей щеке, она заметила родинку и вдруг узнала Серёжку. Мёртвого, холодного, чужого Серёжку.

...Она села на постели.

Сердце бешено колотилось, во рту было сухо и шершаво, и невыносимо болел низ живота. Она пробралась на кухню и жадно выпила воды, с трудом проталкивая её занемевшим горлом. Что ей снилось? Какой-то ужас. Искалеченный Серёжка... Господи! Зачем это? Откуда?!

Утром от сна осталось лишь неприятное ощущение, и Люциферовна успокоилась. Мало ли что приснится!

В это утро процедуры в ванной они делали вместе. Серёжка брился, а Люциферовна принялась чистить зубы. Выдав пасту на щётку, она взглянула в зеркало и вместо намыленного Серёжкиного лица вновь увидела обезображенную

маску, виденную во сне. Она закричала, уронив щётку. Серёжка испуганно кинулся к ней, схватил и тут у неё в голове, словно освещённая молнией, высветилась картина: раскуроченный троллейбус с выбитыми стеклами. И тут сознание оставило её.

Когда она очнулась, над ней сустились две женщины в форме «скорой помощи». Пахло спиртом, и болела и кружилась голова.

– Смотрим на меня, – тут же склонилась одна из женщин и растопырила ладонь: – Сколько пальцев?

– Пять... – Люциферовна ещё никогда не падала в обморок. Мир качался, грозя завалиться на бок, болел низ живота. – Что... со мной?

– Ничего страшного, – женщина внимательно рассматривала её зрачки, оттягивая холодными пальцами веки. – На каком вы сроке?

– Нет, я не беременна. – Люциферовна попробовала сесть, но врач её мягко удержала:

– Ну-ну-ну. Полежите.

Люциферовна увидела где-то сбоку серьёзное лицо Серёжки. Обычное лицо, без всего этого ужаса...

Вечером Люциферовна с Серёжкой покинули его обеспокоенных родителей. Наталья Андреевна осталась убеждённой, что будущая невестка беременна и Люциферовна не стала её переубеждать. Серёжка вёл свой чёрный внедорожник аккуратно, боясь растрясти любимую. Люциферовна на-

ходила в какой-то прострации, рассеянно отвечала на вопросы или вовсе не слышала их.

В доме Серёжки всё валялось у неё из рук. Вечером, перед сном, она пошла в ванную и в прихожей натолкнулась на что-то, валяющееся на полу. Это был уроненный Серёжкой ключ-брелок от автомобиля. Она подняла его, и её словно прошло током. Она снова увидела разбитый троллейбус, застывший посреди улицы, залитой солнцем. Она знала, что это завтрашний день – просто знала и всё.

...На её крик прибежал Серёжка. Она в истерике сидела в углу у входной двери, рядом валялись ключи. Серёжка утащил её в постель, схватил телефон, чтобы вызвать «скорую», но она не давала и твердила лишь одно:

– Серёжа, не садись завтра за руль! Не садись! Не надо!!!

На все его расспросы, она твердила одно:

– Я чувствую... У меня плохое предчувствие...

Даже ему она не могла открыть своего дара видеть мертвецов, а с этим новым проявлением она столкнулась впервые.

Ночью она долго не могла заснуть. Уже за полночь она выскользнула из постели, отыскала злосчастные ключи и спрятала среди белья в стиральной машине. Где лежат запасные, она не знала, но надеялась, что до них дело не дойдёт.

Утром она проснулась поздно. Серёжки уже не было. Она вскочила, подбежала к окну и выглянула вниз. Чёрный внедорожник стоял, как ни в чём не бывало, на том месте, где Серёжка припарковал его вчера. У Люциферовны отлегло от

сердца. К тому же прошла боль внизу живота. Приободрившись, она пошла на кухню ставить чайник.

...А Серёжка и не думал брать сегодня машину. Ему предстояло ехать на встречу с клиентом в самый центр, и проще было это сделать на общественном транспорте.

Будни Всеслава

Квартирка Всеслава находилась на Петроградской Стороне, неподалёку от Ленфильма. Рядом была станция метро «Горьковская» – Всеслав по привычке мерил Санкт-Петербург московскими категориями: близко к метро, значит удобно и практично. Хотя уже знал, что среди петербуржцев это было не совсем так. Ведь если метро в Москве это целая сеть и, как правило, куда ни ткни пальцем в пределах МКАД, непременно неподалёку будет станция подземки, то в Питере метро напоминало её скромное подобие и основным средством передвижения горожан, не имеющих личного авто, не являлось. Здесь было принято ездить на маршрутках: они сновали повсюду, останавливались где угодно и принимали к оплате не только наличные, но и проездные.

Чтобы попасть в квартиру, следовало проникнуть во двор-колодец, где был подъезд, который местные упорно именовали «парадное», хотя это был самый настоящий чёрный ход. Далее по лестнице, не имеющей лифта, необходимо было подняться на самый последний, пятый этаж. Дверь направо была сверху скошена под стать потолку, имевшему наклон. Квартирка была длинной и немного узковатой. Сразу за дверью обнаруживался коридор, идущий вдоль левой капитальной стены. Оканчивался он дверью в дальнюю комнату, которая служила Всеславу и рабочим кабинетом, и спаль-

ней: словом, в ней он и жил. Ближе к входной двери была ещё одна комната, чуть меньше, но она пустовала, там стоял только небольшой раскладной диванчик: в ней Всеслав иногда разминался. Справа от входной двери была тесная комната ванной, без окон. Туалет располагался нелогично, слева от входной двери, в ещё более тесной конуре. За ванной комнатой, направо, была кухонька, уютная, с широким подоконником, на котором удобно было сидеть. Именно для этого там имелась небольшая подушечка. Всего в квартирке было три окна, по одному на каждую комнату, но лишь в кухне окно имело маленький секрет. Стоило сесть на подоконник боком, и прижаться правым виском к стеклу, то над крышей, между вентиляционной трубой и телевизионной антенной, был виден ангел со шпиля Петропавловского собора. Из других комнат увидеть его было нельзя, даже высунувшись из окна.

Москву он решил оставить полтора года назад. Как-то, оказавшись в Питере, он вдруг ощутил, что настроение города необъяснимым образом соответствует его собственному настроению. А было настроение Всеслава в тот момент далёким от совершенства. Сказать, что нашёл он эту квартиру случайно, нельзя – всё теперь в его жизни было неслучайно. Поначалу он никак не мог смириться с этим, но позднее просто принял как данность. В Питере же витал похожий дух: мириться приходилось с погодой, сыростью, крепкими морскими ветрами и ощущением мрачного торжества.

На накопленные в прошлой жизни деньги (часть была занята у родителей) он и купил эту бывшую коммуналку под самой крышей. Говорили, что коммуналка раньше была весьма обширна, но в проклятые девяностые её перепланировали, заложив дверные проёмы, и вдоль этой стены теперь пролегал коридор. Несмотря на непривычное расположение уборной и крошечную кухню, всё ему здесь нравилось. К тому же, обследовав (не без помощи своего удивительного «сквозного» зрения) крышу, Всеслав обнаружил, что рядом проходит настоящий, незаложенный дымоход, оставшийся со времён, когда дом отапливался дровами и углём. Зимой в квартирке было зябко и Всеслав, сделав ремонт, пристроил в дальней комнатке, вплотную к стене, камин. А увидев квартиру впервые, Всеслав пришёл в ужас, настолько плачевным был её вид. В Москве нипочём нельзя было найти такую разруху и запустение. Тараканы здесь водились настолько суровые и непуганые, что ночью зайти в кухню или уборную было просто страшно: создавалось ощущение, что стены сползают прямиком в ад.

Во время ремонта рабочие, которые этим занимались, нашли на антресолях в коридоре закупоренную бутылку с жидкостью. Вскрыли, предвкушая старинное пойло, но были разочарованы: в бутылке был керосин, впрочем, вполне пригодный к розжигу. Бутылку отдали Всеславу. Он оставил её для растопки сырых дров, буде таковые случатся.

Теперь, после ремонта и установки камина, Всеслав лю-

бил сидеть мрачными вечерами на кресле-мешке и смотреть в огонь. Для этого он даже приобрёл бывший в правильном употреблении старинный стеклянный экран для камина, найдя его на блошином рынке близ станции метро Удельная.

Санкт-Петербург привлекал его ещё одним своим свойством. Теперь уже, будучи хоть и молодым, но всё же богом, он получил дар, помогающий извлекать информацию иным способом, нежели это было доступно людям через книги и всемирную сеть. Теперь он просто знал, как будто в него закачали эту информацию. Не обо всём и не всегда, но это было данностью, с которой он учился жить. Город, в котором он поселился, представлялся ему громадным существом, как чудо-юдо рыба Кит из сказки, на спине которого жили люди, не задумываясь, где именно они живут. Его дара ещё не хватало на то, чтобы охватить всё знание о Санкт-Петербурге, но предтеча его уже была с ним, не отпуская ни на минуту. Это знание было сокрыто глубоко и он ходил по городу, чувствуя, что ходит по гигантскому айсбергу, лишь вершина которого доступна для обозрения людям, а внизу, под толщей воды, находится чудовищная и величавая глыба, уходящая своей сущностью в глубь веков. Если перевести ощущения Всеслава о Питере в слова, можно было сказать следующее: город этот был много старше трёх сотен лет, которые ему приписывала официальная история.

В Питерском метро он нередко встречал невероятных существ, похожих на людей, но не являющихся ими. Пассажи-

ры принимали их за чудаков, одевающихся нелепо и вызывающе. Впрочем, были среди них действительно чудаки, эпатирующие обывателей. Однако истинные загадочные существа выглядели действительно жутко. Пару раз Всеслав встречал нечто, весьма похожее на Александра Сергеевича Пушкина: чёрный долгополый сюртук, цилиндр, штиблеты и очень густые рыжие бакенбарды. Надо сказать, что и лицо этого псевдопоэта было покрыто шерстью, отчего был он похож на пса. Глаза были скрыты круглыми чёрными же очками. Пассажиры с удовольствием глазели на него, даже фотографировали, иные не замечали, повидав всякое. Им и в голову не могло прийти, что «Пушкин» вовсе не человек. Всеслав видел его в буквальном смысле насквозь и мог с уверенностью это подтвердить. Да, существо было мыслящее, но вовсе не из плоти и крови. Один раз «поэт» был встречен Всеславом в вагоне, другой на станции «Спортивная». Были и другие псевдолюди, например, эдакий «человек в футляре» – закутанный в долгополую шинель с поднятым меховым воротником персонаж в шляпе-треуголке, надвинутой на глаза. Впрочем, был он похож скорее на несчастного господина Башмачкина из повести Гоголя «Шинель». Всеслав встретил его в переходе к станции «Маяковская», в лютую жару. По виду, существо ничуть не страдало от летнего зноя. Но не только в метро были такие существа. На Васильевском острове в одном из дворов Всеслав видел другую сущность: невыносимо чёрную фигуру, отдалённо напоминающую трубочиста, но в

руках у неё был не моток веревки с шаром-щёткой на конце, но бедренная человеческая кость, тоже чёрная и невероятно длинная. Более подробно Всеслав не сумел её разглядеть: фигура, поняв, что за ней наблюдают, ступила в тень от дома и тотчас растаяла, словно клякса в банке с краской. Все эти сущности казались ему безобидными, угрозы от них он не чувствовал.

В Москве Всеслав ничего подобного ни разу не наблюдал. Впрочем, это можно было объяснить так: он редко применял своё особое зрение до «инициации» в новом качестве. Наверняка подобные сущности были всюду, просто теперь он пользовался своим даром часто и не забавы ради. Он уже привык, что «вызовы» застигали его в любое время дня и ночи. И тут он оказывался в самых невероятных ситуациях: и в пекле самого настоящего боя, и в засаде. Перемещаясь на немыслимые расстояния за долю мгновенья, он ощущал себя врачом «скорой помощи» на срочном выезде. За сутки могло набежать до пяти таких «вызовов», а могло не случиться ни одного. Поначалу его это очень тяготило. Спустя год он привык, душа его обросла неким чехлом, не дававшим принимать всё это слишком близко к сердцу. Это была неизбежность, ставшая его жизнью. Он тяготился людьми, стал замкнут и в этом не было ничего странного: теперь он жил, будучи ежесекундно готовым исчезнуть из этого места и очутиться там, где его «ждали», где молились ему, где была необходима его помощь. Если «вызов» застигал его на ули-

це, среди народа, он легко мог переместиться сразу, ничуть не опасаясь, что это его исчезновение кто-нибудь заметит: ни единый человек на улице не смотрел на него в этот момент – так распоряжалась Правь. Точно так же незаметно он появлялся там, где был нужен.

Иногда он оказывался в том или ином месте не потому, что кто-то из людей призывал его на помощь. Иногда так поступало Провидение, как выразились бы писатели позапрошлого века, или, на его языке, Правь. То есть мир использовал Всеслава так, как считал нужным.

Регулярно его навещал Перун, которого все причастные за глаза звали одним из его прежних человеческих имён, а именно Глебом Спиридоновичем. Лишь Всеслав звал его так всерьёз и тот позволял, вероятно, просто благоволя новичку. Он приходил к Всеславу не как шеф к подчинённому, но как старший товарищ к коллеге. Они чаёвничали, разговаривали о пустяках и расставались. Эти посещения были Всеславу странны, он не мог понять, зачем Перун опекает его. Вероятно, так было принято в их бессмертной среде. Ещё когда Всеслав обитал в Москве, в одно из таких, самых первых посещений, Глеб Спиридонович привёз ему банковскую карту.

– Она твоя, Всеслав. Ежемесячно сюда будут приходить деньги, достаточные для жизни.

– У богов есть спонсоры? – удивился тогда Всеслав.

– Имеются, – уклончиво ответил Глеб Спиридонович. – Не забывай, существуют сообщества людей, интересующих-

ся древними богами славянских народов. Они приносят доход. Ты, кстати, можешь заниматься бизнесом, если хочешь и можешь. Но карта всё равно остаётся за тобой.

На карту приходили деньги, обеспечивающие Всеславу безбедное существование.

В этот раз он понял, что его вызывают, когда собирался позавтракать. Он выключил газ, дошёл до комнаты, улёгся на диван и шагнул в никуда, чтобы немедленно очутиться у раскорёженного взрывом троллейбуса.

Подумать только, это был Петербург. И, похоже, это был террористический акт.

Всеслав не спешил уплотняться. Так выходило удобнее.

Сначала он осмотрелся, нет ли ещё одного подрывника. Но нет, больше угрозы не было.

Троллейбус стоял на Невском, чуть дальше остановки «Гостиный двор». Ни одного целого стекла, всё прошито поражающими элементами. Час пик, раненные и погибшие – все вперемежку.

В троллейбусе свободным от тел осталось лишь одно место, почти посередине салона. Здесь и находился бомбист в момент взрыва. И от него ничего не осталось. Всеслав пригляделся: в качестве поражающих элементов были использованы гайки для ключа на 5. От смертника остались лишь кровавые брызги, однако необходимо было найти что-то ещё, что хоть как-то можно было бы опознать: вещи, предметы.

Вокруг уже суетились люди, очевидцы, намереваясь помочь тем, кто остался в живых. Всеслав старался не отвлекаться. Сейчас здесь всё затопчут, после приедут спецы, будет вовсе не до работы. Ведь именно для этого его и вытащила сюда Правь. Нужно искать сейчас...

В потолке троллейбуса, прошитого гайками, он заметил нечто. Прямо в металле обшивки торчал какой-то стальной лепесток. Всеслав не мог достать его оттуда, но для рассмотрения применил своё «зрение насквозь». В обшивке застрял замок застёжки «молнии» вместе с язычком, за который было принято тянуть, чтобы застегнуть её или расстегнуть. Вероятно, это всё, что осталось от одежды бомбиста. На лепестке был рельефно выполненный значок в виде стрелы. Больше ничего Всеславу найти не удалось. Он равнодушно скользнул взглядом по раненым и погибшим. В троллейбусе уже всюю шла эвакуация пострадавших. Тогда Всеслав покинул место происшествия.

Давно уже его сердце очерствело к людям. Он был вынужден им помогать, но никаких чувств они у него не вызывали. Так, некий спортивный интерес. Когда удавалось спасти очередного молящего о помощи, он чувствовал удовлетворение от хорошо выполненной работы, не более того. Ведь теперь он был один, отрезанный от прежних друзей и знакомых, вынужденный жить совсем по-другому, нежели привык. Он тяготился своим нынешним существованием, злился поначалу, но потом остыл и охладел ко всему. Глеб Спиридонович,

курировавший Всеслава, часто отчитывал его, говоря:

– Какой же ты бог, Вольга? Ты же не любишь людей!

Горячась, он переходил на его божественное имя, хотя знал, что Всеслав его не жаловал, предпочитая, чтобы его звали прежним именем.

– А за что мне их любить? – отвечал Всеслав. – Это из-за них моя жизнь разрушилась, разве нет?

Глеб Спиридонович, Перун, сетовал:

– Эх, не созрел ты ещё... Может, и пройдёт это. А если нет – плохо тебе будет.

– А разве мне сейчас хорошо? – начинал злиться Всеслав.
– Я не просил принимать меня в ваше общество.

– Ну, ну, – успокаивал Перун. – Все мы проходили это. По-разному было, однако и хуже бывало. Потерпи.

– Терплю, – сказал в тот раз Всеслав и на какое-то время нотации Перуна прекращались.

Ради этих душеспасительных бесед Глеб Спиридонович и навещал Всеслава.

Сосед Люциферовны

Она поняла, что что-то не так через час, когда собралась сесть за работу. Осознание беды росло, как надвигающаяся грозовая туча в небе. Её трясло, она безрезультатно пыталась дозвониться до Серёжки, но его телефон был выключен. Она порывалась позвонить его родителям, но, не зная, что спросить и сказать, отступала. Телефон сам ожил в её влажной от напряжения ладони, она поднесла его к уху и услышала незнакомый голос.

Звонил двоюродный брат Серёжки.

– Мария, крепитесь, – услышала она. – Сергей... – он запнулся, подыскивая слова. – Случилось несчастье. Я смогу приехать только к вечеру. Если вы найдёте в себе силы... Нужно ваше присутствие, необходимо опознание...

Она стояла у подоконника, где они так любили проводить вечера, и в ступоре смотрела на башню «Лахта центра». Какая же она всё-таки большая, подумалось ей некстати, и она различила в телефоне тревожный голос:

– Алло! Мария? С вами всё в порядке?

Она сумела записать адрес, куда нужно было подъехать, и Серёжкин брат отключился, пообещав найти её вечером. Отец Серёжки слег с инфарктом, состояние матери было не лучше. Всё это успел сообщить тот же двоюродный брат.

На ватных, подгибающихся ногах, она села в такси, назва-

ла адрес и всё время дороги пыталась осознать новую реальность. Серёжки нет? Нелепый розыгрыш? Глупый сюрприз? Она не верила, но что-то внутри неё знало и мрачно подтверждало: нет, это не розыгрыш. Всё по-настоящему. Таксист пытался поделиться с ней какой-то жуткой новостью, и лишь под конец маршрута она связала эти две нитки и поняла, что произошло с Серёжкой.

Два часа она прождала в каком-то коридоре, где возле неё хлопотала докторша и были ещё несколько человек, таких же оглушённых и помертвевших, как и она сама. Потом её пригласили куда-то, где было сумрачно и стояла прохлада. Освещённым сугробом белело на столе что-то, накрытое простынёй и загороженное тремя фигурами. Она подошла, люди расступились, и она услышала голос:

– Вы готовы?

Она увидела мёртвое лицо Серёжки, различимое лишь по родинке на левой щеке и стала падать в чёрный, глухой омут.

Последующие два дня до похорон Люциферовна провела будто под местной анестезией: она всё понимала, но была нечувствительна ни к чему. В голове билась одна-единственная мысль – она всё знала наперёд, и всё равно не смогла уберечь своего Серёжку... Ночами ей снилось, будто в то жуткое утро она вцепляется в него и не пускает на улицу, в толпу людей, в тот страшный троллейбус. И всё получается, он покорно остаётся дома, а потом она просыпалась, и жут-

кая муть яви снова обволакивала её.

На эти дни к ней перебралась сестра, чтобы просто быть рядом, чтобы не оставлять её одну. Приезжали родители, с ужасом смотрели на неё, заглядывая в сухие остановившиеся глаза, мрачнели и негромко переговаривались с сестрой. На все вопросы она отвечала односложно и так никому и не рассказала, что могла спасти Серёжку – ей казалось, что её заклеят позором, особенно родители Серёжки: за то, что она не смогла защитить его, что допустила всё это.

Его похоронили в закрытом гробу и после похорон, наотрез отказавшись ехать за поминальный стол, она уехала вместе с сестрой в свою хрущёбу на Гражданке. Лишь войдя в обшарпанную двухкомнатную конуру, она попросила сестру оставить её. Анна, не видевшая мужа и детей два с лишним дня, подчинилась, потребовав от Люциферовны честное слово, что та ничего с собой не сотворит. Люциферовна, стащив с головы чёрную косынку и отбросив куда-то в сторону, устало пообещала.

Когда сестра ушла, Люциферовна обнаружила, что в её телефоне села батарея, отыскала зарядку, и лишь девайс ожил, на неё просыпались непрочитанные письма и сообщения от клиентов, пропущенные звонки, но она равнодушно отмахнулась от всего этого словесного вороха, как от назойливых насекомых. Она вышла на пустой балкон, на котором стоял одинокий табурет, закурила и стала тупо смотреть с высоты третьего этажа на зелёный прямоугольник двора, кото-

рый пересекал по диагонали пунктир тропинки. Где-то кричали чайки, гоняя ворон, те хрипло и зло вторили им. По двору разносился запах какого-то кухонного варева, надрылся телевизор, сообщая пустопорожние новости о теракте.

Она докурила сигарету, сунула хабарик³ в пепельницу, зашла на кухню и немедленно наткнулась взглядом на Серёжкину чашку, оставленную в мойке и позабытую там. Сердце ухнуло в живот, заныло. Люциферовна закрыла глаза, отвернулась. Боги мои, теперь ей предстояло натекаться на его вещи, как на мины и подрываться снова и снова.

Жизнь казалась бессмысленной и глупой. Она вспомнила несчастных родителей Серёжки и поняла, что теперь они для неё чужие люди. Она никогда не родит им внуков.

Подкатила тошнота, Люциферовна дотащилась до ванной, рванула дверь и сейчас же увидела на полке под зеркалом стакан с двумя зубными щётками, её и Серёжкиной. Она схватила его и отшвырнула куда-то назад, в коридор, оперлась о раковину, с трудом посмотрела на себя в зеркало.

На неё взглянула мрачная ведьма за секунду до того, как к костру инквизиции поднесли факел. Анестезия, будто бы заморозившая её душу, внезапно прошла, растаяла и на неё обрушилось всё, что до того словно было скрыто туманом. Люциферовна заткнула слив ванной и пустила воду из обоих кранов на полную. Сходила в кухню, взяла самый острый нож, который наточил ещё Серёжка, вернулась в ван-

³ окурок

ную, прикрыла дверь и шагнула в воду прямо в одежде и тапках. Машинально убавила горячую, а то было слишком горячо, села, дернула рукав блузки наверх и полоснула поперек синих прожилок на запястье. Откинулась на пологий бортик ванной, стала смотреть, как тёмно-красный ручеёк бежит в воду и вспомнила о клиенте, который так и не дожждётся свой макет.

– Дальше без меня... – прошептала она и закрыла глаза.

Всеслав просматривал новости в Сети. Всюду были выложены записи с уличных камер наблюдения, на которых несчастный троллейбус с людьми замирал в облаке взрыва. Высказывались версии, выкладывались интервью с уцелевшими свидетелями. Рассказывали о смертнике с рюкзаком, от которого не осталось ничего. В рюкзаке и была бомба.

Он задумался, пытаясь проанализировать все эти новости, и тотчас понял, что его вызывают. Как и в прошлый раз, это не был частный вызов, его снова призывала Правь. Всеслав упал на диван и стал проваливаться в очередную неизвестность.

Он очутился в обшарпанной прихожей тесной квартирki. Из ванной доносился шум воды. Всеслав удивился – обычно его встречали разноцветные линии, предлагая действовать, а тут ничего этого не было. Ещё бесплотным он на всякий случай прошёл направо, в кухню – никого. Сунулся в бли-

жайшую комнату — тоже пусто. Вернулся в тесную прихожую, импровизированным коридором добрался до дальней комнаты — тоже ни души. Он вернулся в прихожую, на ходу уплотняясь, под ногой хрустнуло что-то, он всмотрелся: зубная щётка. Тогда он осторожно потянул дверь в ванную.

В бурой воде лежала девушка в одежде, голова наклонена вбок, глаза закрыты. Всеслав подошёл, закрыл воду, сунул руку к шее и почувствовал слабый пульс. Он досадливо поморщился: зачем он тут нужен? Надо было срочно вызвать «скорую». Он машинально сунул руку в карман, но там было пусто: свой мобильный он на задания не брал, не умея его воссоздавать. Надо позвать соседей, решил Всеслав и очутился в прихожей. В двери торчали ключи, он повернул связку и вышел на лестничную клетку с ещё тремя дверьми. Он подошёл к противоположной двери у стены с общими электрическими счётчиками, нажал кнопку звонка. Где-то в глубине квартиры дзынькнуло. Кольнула неприятная мысль: что я скажу? Как я попал в чужую квартиру?! Вот же ерунда получается...

Щёлкнул замок и дверь распахнулась. На Всеслава внимательно и спокойно смотрел мужчина лет под шестьдесят, совершенно седой. Вопреки ожиданию Всеслава мужчина был одет не в старые треники или домашний халат, а в строгий костюм с галстуком в придачу. На ногах человека были туфли под стать костюму. Всеслав повёл рукой на распахнутую за своей спиной дверь:

– Простите, там с вашей соседкой несчастье. Вы можете вызвать «скорую»? У меня нет мобильного.

Человек решительно и быстро снял пиджак, отшвырнул в сторону, шагнул на площадку, засучивая рукава белой рубашки, бросив на ходу:

– Позвольте, молодой человек...

Всеслав ввалился за ним в тесную ванную комнату. Мужчина уже осматривал девушку, затем оглянулся на Всеслава, критически окинул взглядом, сказал:

– Вот что, будьте добры, достаньте её из воды, а то мне не с руки.

Он отступил, пропуская Всеслава к ванной. Тот наклонился, сунул руки в тёплую воду, подхватил девушку.

– Сюда, – донёсся голос мужчины из глубины квартиры.

Всеслав, проклиная свою простецкую доверчивость, потащил девушку в комнату. С неё лила вода, стекая по рукам и животу Всеслава на джинсы. В комнате у разложенного дивана-книжки уже деловито действовал мужчина. Он накрыл диван пледом, найденным за секунду до появления Всеслава, сунул подушку-думку в изголовье, ткнул рукой:

– Кладите. Я скоро.

И он быстро вышел из комнаты.

Всеслав положил девушку на диван. Из перерезанных вен слабыми толчками выходила кровь. Всеслав обернулся, увидел на тумбочке рядом чёрный платок, схватил, сунул под запястье девушки. Вернулся мужчина. В его руках была ап-

течка. Он опустился прямо на колени возле девушки и первым делом обхватил ладонями рассечённое запястье пострадавшей. Всеслав наблюдал, размышляя, не надо ли бежать за другими соседями, более толковыми. Его мысли прервал сам мужчина. Продолжая держать девушку за руку и не оборачиваясь, он сказал:

– Позвольте представиться: Андрей Николаевич. «Скорая помощь» отменяется. Других соседей тоже звать не нужно. Родителей девушки я бы также не стал обременять: так будет лучше, поверьте. Как вас зовут?

– Всеслав.

– Так вот, Всеслав. Девушка потеряла много крови, но сейчас это уже не важно. С ней всё будет... правильно. Я посижу с ней ещё минут десять и буду вынужден оставить. У меня есть неотложные дела. Вас, Всеслав, я попрошу за этой девушкой присмотреть. Вы ведь не торопитесь?

Всеслав вздохнул, ответил:

– Не тороплюсь. Но что я скажу ей...

– Найдёте, что сказать. Скажете правду, в конце концов. А сейчас просто не оставляйте и всё. Будьте добры, принесите из кухни стакан воды.

Всеслав сходил на кухню, отыскал чашку, налил из кувшина с фильтром воды, принёс в комнату. Запястье девушки уже было перевязано. Сосед тем временем одну свою ладонь держал на лбу девушки, другую на животе. Глаза его были закрыты. Всеслав поставил чашку на тумбочку возле

дивана, и увидел телефон на зарядке – вероятно, принадлежащий девушке. Потом он с сомнением посмотрел на повязку и спросил:

– А вы уверены, что это поможет?

Андрей Николаевич открыл глаза, улыбнулся:

– Сомневаетесь? Напрасно. Если во время вашего дежурства повязка пропитается кровью, разрешаю вам вызвать «скорую». Воспользуетесь телефоном хозяйки, – он кивнул на тумбочку. Он ещё посидел так несколько минут, отнял руки, взял чашку и одним махом выпил всю воду.

– Вот и славно, – сказал Андрей Николаевич, ставя чашку на тумбочку. Он поднялся, расправил рукава рубашки, застегнул манжеты.

– Она проспит несколько часов, – сказал он. – Думаю, не меньше пяти. У вас есть время, чтобы подготовиться к её пробуждению.

– Но у меня тоже могут быть дела, – попробовал возразить Всеслав, хотя, кроме обычных вызовов, которых вообще могло в ближайшее время не случиться, у него никаких занятий не было.

– Понимаю. – Сосед девушки крепко ухватил его за плечо, заглянул в глаза: – Иногда стоит отложить все дела. На кону жизнь человека.

– Надеюсь, вы понимаете, что я здесь ни при чём? – наивно спросил Всеслав. Андрей Николаевич коротко и просто кивнул:

– Разумеется. Можете не беспокоиться. Стало быть, мне пора. Если вдруг что-то понадобится, обращайтесь. Я буду дома уже около полуночи.

Он прихватил свою аптечку и вышел из комнаты. В прихожей глухо стукнула дверь. Всеслав хмуро огляделся.

Кроме дивана-книжки, на котором лежала девушка, в комнате стоял старый платяной шкаф, вплоты к нему прилежался сервант ниже ростом, внутри которого отражалась в зеркале столовая посуда и пара хрустальных ваз. Кроме того, там же стояла цветная фотография, на которой в обнимку стояла юная девушка и старушка в орденах. Девушка, видимо, была та самая, что сейчас лежала на диване. Ещё в комнате, у той стены, где в старых хрущёвках бывает проход в следующую комнату, стояло нечто, напоминающее нижнюю часть гарнитура «стенки», с небрежно разбросанными джинсами, мотками колготок. По бокам от неё стояла пара винтажных полукресел, у одного из которых, ближе к балконной двери, отсутствовала одна из ножек, которую заменяли кирпич и три толстые книги. У дивана-книжки стояла тумба на колёсиках с выдвижными ящиками, которая, вероятно, заменяла столик. Кроме мобильного телефона на нём громоздились небольшое зеркало на подставке, пепельница с окурком, и пачка сигарет с зажигалкой.

Он прошёл в прихожую, подобрал пару зубных щёток и стакан, в котором они, вероятно, стояли. Щётки отнес в кухню и сунул в мусорное ведро, стоявшее под старой чугун-

ной раковиной. Стакан поставил на стол и вернулся в ванную комнату. Там он выдернул пробку из ванны, выпуская багровую воду, вымыл руки, вытер полотенцем, висящем на трубе сушилки. Вернулся в комнату.

Девушка лежала всё так же, как он положил её и спала. Он подошёл, осторожно потрогал одежду: она была мокрая. Плед под ней тоже промок. Всеслав хотел было заменить плед на что-то сухое, но передумал. Ещё очнется, подумает всякие глупости... Он открыл шкаф, пытаюсь найти одеяло, но нашёл его в низком основании из-под стенки. Укрыл им девушку, чтобы не замёрзла, и вышел на балкон. Никогда и нигде ещё он не видел столь пустого балкона. На нём стоял единственный табурет, на который Всеслав и сел.

Зелёный двор, перегороженный хрущёвкой напротив, осторожно заполнял вечер. В воздухе реял назойливый запах какой-то стряпни, бухтел телевизор. Внизу по диагональной тропинке прошёл мужик, ведущий на поводке большую лохматую собаку.

Что же он всё-таки ей скажет, когда она проснётся? Всеслав облокотился о перила, положил на руки голову и задумался. Как всё же ловко с ним обошёлся этот... Как его? Андрей Николаевич. И ведь видно, что мужик не простой: то ли врач, то ли целитель. Всеслав знал, что вот так просто унять кровотечение из перерезанных вен невозможно. Он поднялся, зашёл в комнату и осторожно осмотрел повязку. Она была чиста, ни капли крови на ней не было видно. Может, у

неё вся кровь кончилась ещё в ванной? – пронеслось в голове Всеслава, но он видел, что девушка просто спала и даже бледной не выглядела. Он вернулся на балкон.

И зачем Всеслав послушался этого соседа, остался здесь? И вообще, зачем его кинули сюда, он что, спасатель? В целом да, спасатель. Но вызов был не от неё. Снова Правь что-то своё крутит. Кстати, богатым на суициды считался у горожан район Обводного канала. Всеслав бывал там: веяло в тех местах чем-то недобрым, древним и жутким, он старался не появляться там без нужды (читай без вызова).

Во двор ворвался ветер, взьерошил верхушки берёз и ёлок, затерялся в сумерках. Всеслав обернулся на распахнутую дверь в комнату. Что же, всё-таки, он ей скажет? Проснётся она ночью, а в квартире незнакомый мужик. Намечается неприятная история...

Он поднялся, прошёл, стараясь не шуметь, мимо дивана, остановился в прихожей напротив входной двери. Уйти сейчас и забыть об этой квартире, о девушке, решившей свести счёты с жизнью, о странном соседе... Всеслав осознал неизбежное: он не уйдет, потому что хочет ещё раз увидеть этого Андрея Николаевича. Зачем он ему понадобился, Всеслав не мог объяснить, он просто знал, что эта встреча должна произойти снова. К тому же он привык, что ничего в его теперешней жизни не происходит просто так. Правь ничего не делает случайно. Наверное, эта девушка была ей чем-то полезной.

Он вздохнул и пошёл в дальнюю комнату по захламлённому коридору, который сделали, вероятно, никакого разрешения в жилищном управлении не спросив. Он уже видел подобные переделки двухкомнатных хрущёвок: люди стремились изолировать проходную комнату и жертвовали полезной площадью ради уединения либо по иной прихоти. В этом коридоре стоял велосипед, безнадёжно погребённый под грудой какой-то одежды, висели на стене старое пальто и дождевик, стоял, прислоненный в углу, громадный новенький лом с круглым набалдашником сверху. Всеслав миновал то, что именовалось кладовой или в просторечии, из-за тесноты, «тёщиной комнатой», и оказался в дальнем помещении.

Здесь никто не жил, вероятно, с тех пор, как умерла бабушка, хозяйка квартиры – до Всеслава это доходило само собой, чем дольше он находился в этой квартире: помогала девушка, вернее, её информационное пространство. Здесь, напротив окна, стоял пожелтевший письменный стол, увенчанный старинной настольной лампой с зелёным стеклянным абажуром. Вероятно, такая же лампа стояла на столах всех интеллигентных советских людей, в том числе на столе самого Ленина. На стене слева висело два портрета, на одном была изображена бабушка, ещё молодая, с неловко отредактированным ретушёром задним фоном, где угадывалась какая-то декорация-фон, модная в середине прошлого века в фотоателье. Рядом висел ещё один портрет, её мужа: моло-

дой мужчина в гимнастерке с петлицами вместо погон и фуражке ВВС. Ясно было, что погиб на фронте. Под портретами стояла большая железная кровать, накрытая ковриком, который обычно вешали над кроватью: на нём были изображены олени на водопое. Справа стоял шкаф с траченным временем зеркалом. Сверху шкаф был до потолка забит связками книг.

Всеслав вернулся в прихожую, зашёл в туалет, чтобы совершить одно незначительное дело и обнаружил на дне освобождённой от воды ванной кухонный нож. Аккуратно подняв за лезвие, он отнёс его на кухню и положил на стол рядом со стаканом от зубных щёток. Вернувшись в комнату, он заметил на тумбочке чашку, в которой принёс воды соседу. Подхватил её, отнёс на кухню, сполоснул и поставил туда, где нашёл её в прошлый раз.

Большую часть кухни слева занимал современный холодильник, рядом, вплотную к окну притулился старый буфет, за стеклом которого толпились вперемежку банки из-под индийского чая, современные коробки с ним же, несколько поварских книжек и ёмкости для круп. Вплотную к подоконнику стоял стол, охраняемый двумя табуретами, третий из которых, надо полагать, был откомандирован на балкон. Справа имелась газовая плита, лет сорок как снятая с производства, рядом, сохраняя безопасное расстояние, белел ящик кухонного гарнитура: сверху стол, внизу шкаф для посуды. Замыкала строй мойка. У стены, за которой скрывался сов-

мещённый с ванной туалет, занимала своё место хорошая стиральная машина, которую венчала микроволновая печь. Сверху висел шкафчик, вероятно, скрывавший в своих недрах посуду или съестные припасы. Облезлый потолок в потёках и стены, хранившие следы зелёной краски, довершали унылую композицию.

Всеслав заглянул в холодильник: он был пуст, как прилавки девяностых годов.

Он вернулся в комнату. Здесь было совсем уже темно и он быстро поменял зрение: девушка спала, даже не поменяв позу. Надо было зажечь свет, но под потолком вместо люстры торчали скрученные провода. На стене, которую возвели, отделив проход на кухню от комнаты, висел на шурупе прихваченный проволокой небольшой светильник. Всеслав нащёл выключатель, щёлкнул. Стало гораздо лучше, даже уютней. Он отвернул лампу в сторону, чтобы она не слепила девушке глаза, когда та проснётся и вышел на балкон.

Ночь царила над тёмным ящиком хрущёбы напротив, лишь несколько окон светились в ней параллельными мирками. Небо затянуло серой занавеской, скрывшей звёзды, и в воздухе повис мелкий невесомый дождик, такой привычный здесь. Пахнуло сигаретным дымом: кто-то вышел на балкон покурить. Через полчаса дождь усилился и стал слышен: зашуршал по листьям, по подоконникам застучали капли, падающие с крыши. И даже среди этого мерного шума Всеслав даже не услышал, а почувствовал в комнате за спиной дви-

жение. Он быстро и осторожно поднялся с табурета, выдохнул воздух и шагнул в комнату.

Девушка стояла у дивана. Увидев Всеслава, она попятилась назад, как сомнамбула.

– Ты... кто? – шёпотом спросила она: в её глазах жутко дрожал отсвет светильника. Более всего она была похожа сейчас на панночку из советского фильма ужасов «Вий».

– Не бойтесь, – Всеслав поднял руку, опасаясь, как бы она не начала кричать. – Я сосед снизу. Вы нас чуть не залили.

Он знать не знал, знакома ли она с соседями снизу, но не это было важно.

– Залила? – она посмотрела на повязку на левом запястье, подняла на него глаза. – Кровью?

– Что вы, нет, – он понятия не имел, что говорить дальше.

– Как ты сюда попал? – сказала она еле слышно: она злилась, она просто закипала как чайник.

– У вас была открыта балконная дверь, я спустился от соседей сверху.

Девушка отступила ещё на шаг назад, открыла дверь из комнаты, сказала, еле сдерживаясь, чтобы не закричать:

– Убирайся откуда пришёл.

– Не злитесь, пожалуйста, – он прижал руки к груди. – Так получилось...

– Выметайся или я закричу, – она, не отрываясь, смотрела на него. Вылитая ведьма. Всеслав аккуратно, стараясь не делать резких движений, прошёл через комнату, вышел в при-

хожую. Девушка следовала за ним. В прихожей было совсем темно, он на ощупь поймал ручку входной двери, потянул на себя, вышел на освещённую площадку. Тут же за ним захлопнулась дверь, повернулся ключ в замке. Всеслав выдохнул: кажется, обошлось.

Он посмотрел на дверь напротив. Поздно уже звонить, подумал он, а потом вдруг вскинулся: какого чёрта?! Его назначили дежурным, и он пришёл сказать, что дежурство окончено.

Всеслав решительно подошёл к двери и нажал на кнопку звонка. Спит, наверное, наш чудодей, злорадно подумал он, но дверь довольно скоро открылась. Андрей Николаевич был одет в самый обыкновенный спортивный костюм чёрного цвета. Он посторонился, приглашая Всеслава войти, и тот вошёл.

Квартира была несколько иной планировки, нежели та, где жила девушка, но рассматривать её у Всеслава не было ни желания, ни времени, к тому же здесь царил полумрак.

– Докладывайте, – сказал Андрей Николаевич.

– Да что докладывать? – пожал плечами Всеслав. – Выгнала она меня. Хорошо, что без крика обошлось.

– Как она? – спросил сосед.

– Злая, как тысяча чертей.

– Уже неплохо, – задумчиво произнёс Андрей Николаевич. – Могло быть хуже.

Он посмотрел на Всеслава:

– Что ж, вы славно оттрубили свою вахту, Всеслав. Можете отправляться домой. Теперь за девушкой присмотрю я.

– Может быть, всё-таки сообщить её родителям? – предположил Всеслав, но сосед отрицательно повертел головой:

– Ни в коем случае. Это только навредит.

– Тогда я пойду?

– Да. Всего хорошего. Спасибо за труд.

Всеслав вышел из подъезда: да, это был именно подъезд, никакое не парадное. Питерская окраина – он понятия не имел, где оказался, но решил хоть немного пройтись, даже несмотря на дождь. Он постоял, прислушиваясь к ощущениям своего странного компаса внутри, и понял, в какую сторону двигаться. Идти предстояло долго, но ему необходимо было развеяться. Теракты, самоубийцы... Что дальше? Он был раздражён, даже зол. Отметелить бы сейчас какую-нибудь гнусную морду, подумал он, проходя мимо спящих хрущёб на жёлтый свет отдалённого фонаря. Но улица была пуста, уныло блестел асфальт и мокли придорожные кусты.

Мамина картина

Люциферовна стояла в туалете перед пустой ванной. Ну да, этот тип, достав её, спустил воду. Аккуратист...

Странно, но она не чувствовала раздражения от того, что её плану не дали осуществиться. Душу грызла острыми зубами тоска по Серёжке: теперь ведь предстояло жить без него. Тоска рванула сильнее, защемило сердце, стало душно, и Люциферовна поспешно вышла на балкон.

Во дворе было мокро – шёл вялый дождик, барабанили капли по подоконнику. Ни единого огонька в доме напротив: все спят, никому нет дела до того, что умер человек, и что кто-то навсегда остался в этом мире один. И даже уйти вслед за первым этому человеку не дали, сволочи...

Она заглянула в окно соседей снизу, там было темно. Этот хмырь улёгся что ли, уже? Сделал свое дурацкое дело и спокойно спит... Гад.

Ей спать совсем не хотелось. Не хотелось вообще ничего. Впрочем, она решила покурить. Вернулась в комнату, подхватила пачку сигарет, зажигалку, хотела выйти на балкон, но передумала. Взгляд упал на ноутбук. До утра время, пожалуй, можно как-то скоротать: она вспомнила про заказ, над которым работала до постигшей её беды. Если она его всё-таки одолеет и доведёт до конца, клиент так и не узнает причину заминки в работе...

Люциферовна закурила и включила ноутбук. Закружилась голова, будто она курила свою первую сигарету в жизни. Удивившись, Люциферовна сунула сигарету в пепельницу и занялась заказом.

Когда начало светать, она сходила на кухню, заварила чаю и вернулась к работе. Время бежало быстро, голова была занята делом – это было хоть какое-то облегчение, островок среди моря ужаса, разлившегося так неожиданно вокруг неё.

Когда на улице появились звуки нового дня – лай собак, которых выгуливали хозяева, торопливые шаги людей, спешивших на работу, звуки автомобильных моторов – она ещё раз наведлась на кухню за очередной чашкой чая, но тут зазвенел мобильный. Люциферовна вернулась в комнату. Звонила мама.

– Мама? – сказала Люциферовна в трубку и услышала мамин голос:

– Как ты, Маша?

– Ничего, мама. Не волнуйся. Что папа?

– Ушёл на работу. А я что-то захворала...

– Что случилось?

– Слабость, голова кружится, ноги совсем не носят. Ума не приложу, где это меня так...

– Я сейчас приду! Ничего не делай, поняла?

И Люциферовна принялась собираться. Уже выходя из квартиры, она вдруг подумала, что ведь мама могла и не дозвониться до неё. Ни сегодня утром, и никогда вообще. До

спазма в животе ей вдруг стало жаль маму, и она побежала по лестнице вниз, твердя себе под нос:

– Ничего, мама, я уже бегу. Подожди. Я скоро...

Идти было минут 25, по проспекту Науки до садика. Дождь начал усиливаться, пришлось раскрыть зонт. Она вдыхала сырой воздух и старалась ни о чём не думать. Так было немного легче. Совсем ни о чём не думать, впрочем, не получалось. Полезли воспоминания, острыми лезвиями начали полосовать сердце, и тогда она стала думать о работе, которую пришлось отложить. Что нужно сделать в первую очередь, что уточнить у клиента – да, именно уточнить, там есть один непонятный момент, недостаточное разрешение картинки, придётся либо искать замену, либо...

Она перехватила зонт левой рукой и тут же уперлась взглядом в повязку на запястье. Она совсем про неё забыла! Не слишком ли подозрительно это выглядит? Что сказать маме? Люциферовна обозвала себя овцой за то, что не надела что-нибудь с длинным рукавом и ускорила шаги. Что-нибудь придумаю, решила она.

Вот и угловой кооперативный дом. Люциферовна вошла в парадное, но прежде, чем идти дальше, порылась в своем рюкзачке. Отыскала бандану, намотала на запястье поверх бинтовой повязки и уже потом поднялась на третий этаж по лестнице. Отперла дверь родительской квартиры своим ключом. Залаял глупый Черныш, она потрепала его по лобастой башке, бросила зонт на коврик в прихожей, порылась внизу,

отыскивая тапки.

– Мама, я пришла! – негромко крикнула Люциферовна, проходя по коридору.

Мама лежала на постели и слабо улыбалась дочери.

– Маша, мне так неловко таскать тебя по пустякам...

– Ты что, мама? – нарочито бодро ответила Люциферовна.
– Это пустяки? – она указала на неё рукой. – Не упомяну, когда я последний раз видела тебя в постели.

Она наклонилась, поцеловала маму в щёку.

– Горячая! Да ты простыла! – сказала Люциферовна. Мама увидела красную бандану:

– Что это у тебя?

– Так сейчас модно, – отмахнулась Люциферовна и умчалась в ванную мыть руки.

– Ничего я не простыла, – сказала мама из комнаты. – И горло не болит, и вообще... Может, не стоит врача вызывать?

– Очень даже стоит, – ответила Люциферовна, вытерла руки полотенцем и вернулась в комнату. Мама указала рукой в сторону и сказала:

– Черныш-то что удумал.

Люциферовна посмотрела: на столе лежала её картина, где был изображён дачный домик. Впрочем, теперь это уже были жалкие останки: холст разодран, края обглоданы...

– Шнурок развязался, она и упала. А наш дуралей тут как тут, – объясняла мама. В комнату сунулся Черныш, но догадался, что речь идёт о его проступке и мягко отступил назад,

скрывшись в коридоре.

Картина была писана Люциферовной года четыре назад, когда дача ещё была пригодна и для проживания, и для запечатления. После урагана двухлетней давности, когда на крышу упала старая липа, всё стало не так хорошо, как прежде. Липу кое-как распилили и оттащили, крышу прикрыли чем-то, чтобы не протекала, но на большее никто пока не сподобился: папе было недосуг, да и дачей он не особо интересовался, Лёша, муж Анны, не стремился впрячься в это вечное наказание, именуемое «дачей». Так дом и стоял заброшенный, что сильно волновала лишь маму. Она мечтала, что всё устроится, дом будет отремонтирован и она будет нянчить там внуков, когда уйдет на пенсию. Время шло, мама уже была на пенсии, внуки росли вдали от дачи, имея больше представлений о заграничных курортах с программой «всё включено» нежели о старом наделе в шесть соток в ленинградской области, о котором напоминала картина на стене. Люциферовна сотворила её, будучи на выходных на даче, и имея при себе, кроме свободного времени, этюдник и купленный заранее уже готовый холст на подрамнике.

Картина, надо сказать, получилась неплохая. Особенно удалась ажурная тень от той самой злосчастной липы на крыше, вышло очень натурально, что привносило в достаточно скромный этюд особую изюмину. Люциферовна хмуро разглядывала исковерканный холст, а мама добавила:

– Мне кажется, Маша, я и слегла из-за этого. Очень уж

картину жалко. Смотрела на неё, бывало, и сердце радовалось, и всё думала, как соберёмся мы с отцом, да возьмёмся за дело, да...

Мама горестно фантазировала, а Люциферовна отложила картину, набрала по мобильному поликлинику, и вызвала участкового врача. Потом пошла на кухню и принялась готовить обед на три дня вперед, как это было заведено у мамы. Обнаружилось, что необходимо сходить за продуктами: кое-чего не хватало. Люциферовна сходила через дорогу в здоровенный лабаз, вернулась и приступила к делу. Когда суп был готов, пришла тётушка-доктор из поликлиники. Была она старá, но всё ещё крепкá, действовала без суеты, но бойко да умело. Диагноз был таков: лёгкая простуда на фоне нервного переутомления. Тётушка выписала рецепт и на словах рекомендовала следующее: сегодня полежать, и, если завтра температура снизится до нормальных показателей, немедленно идти на прогулку. Тут у вас садик, зелень, очень располагает к прогулкам. Дождь? Не говорите ерунды: плохой погоды не бывает, бывает неправильная одежда.

С тем участковый врач и ушла. Люциферовна успокоилась: как она и предполагала, мама захандрила из-за неё, вернее... Ладно, не сто́ит об этом. Надо подумать, что сварганить на второе. А впрочем:

– Мама, чего ты порекомендуешь приготовить тебе и папе на второе?

– Я сама, Маша, – ласково приобняла дочь мама – она уже

встала с постели и начала прибирать в комнате.

– Не говори глупости и немедленно ляг, – велела Люциферовна, но мама не послушалась и сказала:

– Ты бы лучше такую же картину нарисовала, вот это было бы просто замечательно.

Кончилось тем, что Люциферовна вдвоем с мамой навертела котлет для папы – мама мясо не ела, предпочитая растительную пищу и рыбу. Пока стряпали, болтали обо всяких пустяках: мама старательно выбирала темы, далёкие от недавней беды. После Люциферовна, отказавшись пообедать вместе с мамой, собралась уходить. Мама прошла вместе с ней в прихожую, провожая. Люциферовна сложила высохший зонт, обулась, аккуратно поправила сползшую с запястья бандану и повернулась к маме. Мама смотрела на неё печально и с любовью, подошла ближе, взяла ладонями за скулы, притянула к себе.

– Как ты, Манюня? – спросила, как когда-то спрашивала её же, маленькую, вглядываясь влажными глазами. Люциферовна поняла, что сейчас расплачется и, уже не сдерживаясь, обхватила маму за шею и заревела, сотрясаясь всем телом – впервые за всё время, прошедшее после гибели Серёжки.

Так они простояли несколько бесконечных минут: Люциферовна рыдала, мама крепко держала её за плечи, и гладила, гладила, гладила – по вздрагивающей спине, по волосам – и ни слова не говорила.

Потом мама отвела Люциферовну в ванную, и та умылась

и вытерла полотенцем красное лицо. Снова вернулись в прихожую.

– Пришлю к тебе на ночь Аню, – предложила мама, но Люциферовна замотала головой:

– Нет, мама. У сестры и так два спиногрыза по лавкам. Ничего со мной не случится. Я лучше твою картину нарисую.

Она подумала и добавила:

– Принеси те остатки, пожалуйста.

Мама сходила в комнату, пошуршала и принесла погубленную псом картину, уложенную в пакет. Люциферовна взяла, кивнула маме и вышла на лестницу.

Вот и ещё одна забота, подумала она, спускаясь на лифте. Хоть какая-то передышка от жутких мыслей, от тоски одиночества. Выйдя из парадного, она было взяла курс назад, до дома, но вдруг вспомнила, что этюдник остался у Серёжки... вернее, в его квартире. Сердце резанула боль – ей до жути не хотелось туда. Там всё напоминало счастливое время, когда он был жив. Подоконник, кресло... Люциферовна невольно застонала и остановилась.

Всё равно это должно было когда-нибудь произойти. Нужно было съездить туда и забрать вещи. И отдать уже ключи его родителям...

Люциферовна слезила в рюкзачок, нащарила позвякивающую связку. Сердце пустилось вскачь, лоб покрылся испариной. Она промокнула лоб банданой, всё ещё намотанной на запястье и решилась. Перешла проспект, двинулась к оста-

новке, просчитывая маршрут: две тэшки⁴ и она на месте. Обратно придётся на такси.

Меньше чем через час Люциферовна уже подошла к парадному многоэтажки у Приморского шоссе.

Вот и его дверь. Сердце снова забúхало, предчувствуя эмоциональную яму. Люциферовна остановилась у двери, постояла, сделала несколько глубоких вдохов, словно перед прыжком в воду с вышки, вставила ключ. Он не поворачивался. Она удивилась, нажала ручку вниз и дверь подалась, распахиваясь. Не заперто? Люциферовна шагнула в прихожую, прикрыла дверь. Здесь горел свет, на полу стояли большие сумки. Серёжины родители приехали, подумала Люциферовна и тут её сбили с ног.

⁴ тэшка – маршрутка

Дачная пауза

Всеслав сидел на подоконнике в кухне. Ангел на шпиле Петропавловки реял на фоне серого неба, по стеклу ползли унылые ручейки. Ещё в прошлом году он был свидетелем того, как резко в этом городе может наступить осень. Лишь вчера было тепло и уютно на улице. Но вот погода испортилась, и уже на следующий день от тепла не осталось и следа, несмотря на то, что до наступления календарного лета ещё почти месяц. Грела лишь одна мысль: у него был камин и это был хороший противовес всем неприятностям, связанным с погодой. А и правда, подумал он. Сейчас разведу огонь, заварю чаю и сяду у камина. И пусть там хоть потоп, хоть гром и молния.

И лишь только он поднялся с подоконника, как понял, что его вызывают. Впрочем, это снова действовала Правь. Стало ясно, что с той девицей из хрущёвки что-то стряслось. Он и думать о ней забыл. Неужели снова решила свести счёты с жизнью? Всеслав задумался. Нет, не то. Ей страшно. Её кто-то напугал.

Его ментальная связь с ней ещё не прервалась, не истаяла, как это обычно бывает по прошествии времени. Необходимо узнать, что с ней стряслось.

Всеслав дошёл до комнаты, повалился на диван и закрыл глаза.

Люциферовну захлестнула волна ужаса: она отлетела в сторону, упала и успела увидеть какого-то парня, когда на неё налетел кто-то ещё.

– Она меня видела! – надсадным шёпотом сказал первый.

– Тихо! – ответил второй, навалившись на Люциферовну.
– Дай что-нибудь, морду ей замотать! И в пасть сунуть, заорёт ведь!

Именно это и собиралась сделать Люциферовна, но рот ей перекрыла ладонь в латексной перчатке. Её перевернули лицом кверху и ударили чуть выше живота. У неё перехватило дыхание, в глазах поплыли радужные круги. Пока она с натугой вбирала в себя воздух, ей в рот запихали какую-то туго скрученную тряпку, а потом натянули на голову что-то, похожее на шапку. Всё, что она могла, это слышать негромкие голоса.

– Хватай, на стул посадим!

Её подхватили, усаживая.

– Руки вяжи. За спиной!

Ей завели за спину руки и цепко прихватили одну к другой чем-то, впившимся в запястья. В груди всё горело, дышать было трудно и больно, и она по чуть-чуть цедила воздух носом, стараясь не плакать, иначе можно было и задохнуться. Вокруг неё суетились, переговаривались.

– Она меня видела!

– Да понял я!

– Чего делать-то будем?

– Не скули, дай подумать.

– Чего думать-то?!

– А ты предлагаешь мокруху организовать?

Второй сложно и зло выругался.

– Не скули, говорю! Пакуй шмотки быстрее.

Послышалась возня, шуршание, кто-то засопел, снуя рядом с ней. Потом до неё донёлся негромкий шёпот: двое переговаривались в прихожей. Через несколько минут, когда Люциферовна смогла отдышаться, к ней подошли, сорвали шапку. Она заморгала от света, задышала чаще. Возле неё стояли двое. Оба с замотанными лицами и в тёмных очках. Один замотал лицо шарфом, второй, гораздо выше ростом, полотенцем, вдобавок на нём были круглые очки Люциферовны, завалявшиеся у Серёжки дома. Она таращилась на них, ничего хорошего не ожидая.

– Сейчас я выну у тебя изо рта кляп, – сказал тот, что был в шарфе и пониже ростом. Он вообще был очень subtilen и невысок. – Уговор один – не орать. Поняла?

Люциферовна закивала резко и часто.

– Один звук и я выкину тебя из окна! – добавил второй, полотенчатый.

Люциферовна кивнула ещё раз, но тут оба грабителя резко отвернулись от неё, и она запоздало увидела за ними высокую фигуру ещё одного человека. Он быстро ударил коротышку и тот отлетел к окну, задев кресло. Второй, полотен-

чатый, отскочил назад, и Люциферовна увидела у него в руке нож. И сейчас же она узнала вошедшего – это был парень, что откачал её после того, как она порезала вены. Он не обращал на неё внимания, внимательно следя лишь за ножом в руке полотенчатого.

– Не суйся, порежу! – пригрозил он, поводя ножом перед собой. Парень ничего не ответил, а просто шагнул навстречу. Полотенчатый полоснул воздух и отступил ещё на шаг назад, упёршись в стол. Вторая его рука нашарила на столешнице пачку каких-то Серёжиных бланков формата А4. Полотенчатый сгрёб их и швырнул в отчаянье в наступавшего на него парня. Листы с шелестом взмыли к потолку. Парень выхватил из этой белой стаи обеими руками по листу и более решительно шагнул к полотенчатому. Руки парня стремительно описали несколько полукруглых движений, и Люциферовна увидела, что резиновые перчатки у полотенчатого превратились в лоскуты, расплываясь на глазах. Полотенчатый что-то неразборчиво пискнул и совершил несколько выпадов ножом, отчего полотенце спало у него с лица. Парень с бумагой ловко увернулся, и снова в его руках замелькали белыми клинками листки. Полотенчатый охнул, и его лицо оказалось исполосовано красными надрезами. Тут у кресла зашевелился полурослик, как окрестила его Люциферовна. Удар, которым сшиб его с ног гость, оказывается, был очень силен. Полурослик поднялся, пошатываясь, но сдаваться явно не собирался. Теперь они вдвоём стояли против парня.

Внешне он был спокоен, будто ничего особенного не происходило. Он выпустил из рук листы бумаги, шагнул вперёд и Люциферовна моргнула. А когда открыла глаза, полотенчатый уже оседал на пол, а полурослик как-то странно постоял, раскачиваясь, потом у него подкосились колени и он мягко сложился, как карточный домик, распластавшись рядом с напарником. И только тогда гость повернулся к Люциферовне.

Он подошёл к ней и вынул кляп изо рта. Она шумно кашлянула и мрачно спросила:

– Ты что, следишь за мной?

Он молча взял валявшийся под ногами носок, натянул будто перчатку на правую руку и подобрал уроненный полотенчатым нож. Потом вернулся к Люциферовне и освободил её запястья, срезав пластиковую полоску с зазубренным краем. Она с наслаждением принялась массировать затёкшие кисти, а он сказал:

– Ментов вызывай. У меня всё равно телефона нет. А когда они приедут, скажи, что я твой друг, что мы вместе пришли. Меня зовут Всеслав.

– Ничего себе, друг, – проворчала Люциферовна, выпросталась из лямок своего рюкзака, который до сих пор был у неё за спиной, и достала трубку.

Только поздно вечером всё закончилось. Кроме ментов пришлось вызывать маму Серёжки (отец был ещё плох). Она постоянно плакала, и Люциферовна успокаивала её, как мог-

ла. Ей же она отдала ключи от квартиры. Менты, оформив квартирных воров, пообещали, что Люциферовне придётся после явиться в полицию и ещё в суд и отбыли восвояси. К Всеславу они отнеслись как-то чересчур спокойно и даже равнодушно, будто регулярно сталкивались с фактами, когда случайный человек обезвреживал двух преступников сразу, немало облегчая их работу.

Потом Люциферовна вызвала такси, они с Всеславом погрузили в машину её вещи вместе с этюдником, и первым делом отвезли маму Серёжки домой. Люциферовна простилась с ней возле такси, зная наперёд, что они больше никогда не увидятся. Всеслав помог ей добраться до двери и вернулся назад. Возле машины его ждала Люциферовна.

– Вот что, Всеслав, – сказала она устало, но твердо. – Спасибо тебе, конечно, за помощь, но... Скажи-ка мне свой адрес и телефон. Ментам сказал, вот и мне тоже надо. Мало ли что.

– Ладно, – усмехнулся Всеслав и назвал ей адрес и номер телефона. Открыл дверь машины, приглашая её сесть, и добавил:

– Пока, Мария Люциановна. Постарайся больше не вляпаться во что-нибудь.

– Тебя не спросила, – буркнула Люциферовна и забралась в машину.

Она дотащила до квартиры все свои пожитки, сгрудила прямо посреди комнаты и тут же повалилась на диван. У

неё не было сил умыться и даже раздеться. И есть ей совсем не хотелось. Она только в такси почувствовала, что ужасно устала: и как только она провела весь день с раннего утра на ногах? Воры ещё эти... И этот странный Всеслав, всезнайка-всёумейка... Ей совсем не хотелось думать ни о чём и она провалилась в сон, даже не удосужившись поменять повязку на запястье.

Проснулась она из-за того, что солнце, прокравшееся сквозь не задернутые шторы, гладило её по лицу. Люциферовна потянулась и сейчас же села на постели. За окном властвовало синее небо без единого облачка. Нельзя было не воспользоваться этим. Она вскочила и помчалась в ванную. После душа заварила огромную чашку чая и выдула её на балконе, параллельно пуская сигаретный дым. Надо было немедленно начать действовать, пока не навалились мрачные мысли и воспоминания. Есть по-прежнему не хотелось, и Люциферовна стала собираться. Сначала она отыскала брошенный вчера пакет с остатками картины, критически оглядела и решительно отшвырнула в угол. Затем проверила, всё ли в наличии в этюднике. Там уже был подготовленный холст на раме, но она добавила туда ещё один, бóльшего размера. Кажется, всё. Она подхватила рюкзачок и вышла на лестницу.

Люциферовна добралась до метро и доехала до Финского вокзала. Запаслась билетом до станции Гру́зино и обратно, дождалась нужную электричку и оставила свой любимый

город на откуп толпам туристов всех мастей и национальностей. Интересно, если бы их не было, пошло бы это на пользу Петербургу? Муниципалитет наверняка не оценил бы этого небывалого чуда.

Их дачный участок находился в неудобном месте: на склоне небольшой горки. Сколько было нервов истрёпано родителями, когда они пытались получить вместо него другой, более ровный! Люциферовна этого, конечно, не помнила по малолетству, но рассказы мамы донесли до них с сестрой все перипетии той эпопеи. Но именно этот факт сделал дачу нормальным местом отдыха, потому что с огородом было много возни и от него, в конце концов, отказались. Всё, что было сделано родителями кроме постройки скромного домишки, была посадка нескольких яблонь, которые теперь строго через год рассыпали по склону падуны с румяными боками на радость местным воронам. Домик с помятой крышей стоял прямо на вершине холма, уже издали приветствуя Люциферовну. Кругом высились деревянные и каменные особняки более обеспеченных соседей, среди которых был актёр Боярский, которого регулярно доводилось встречать на дорожках садового товарищества, с семейством или без.

Люциферовна добрела до калитки, отомкнула простой навесной замок и ввалилась на участок, задевая ящиком этюдника стволы деревьев вдоль дорожки. Дорожкой это можно было назвать лишь условно. В своё время она была выложена плиткой, которую по случаю удалось добыть отцу, но давно

обветшала, поросла травой и сейчас выглядела не лучшим образом. Папа, как уже было сказано, садовод и домостроитель был никудышный.

Она добралась до дома, отперла дверь и проверила, всё ли в порядке внутри. В доме было сыро и уныло, пахло плесенью. Он был летний и никаких обогревателей – даже электрических – в нём предусмотрено не было. Любителям незаконной поживы разорять здесь было нечего, всё и так шло к тому. Даже не смотря на пробойину в крыше, дом ещё держался, не протекал, но это было слабым утешением. Люциферовна вздохнула и поспешила вон. Она закрыла дверь, неловко оступилась с крыльца и кубарем полетела вниз, лишь чудом не врезавшись в яблоню. Остановив падение в траве, она поняла, что подвернула ногу. Ощупала лодыжку, опасаясь, нет ли перелома, но, кажется, с этим обошлось. Попыталась подняться и охнула: острая боль пронзила правую лодыжку.

– Боги, да что же так не везёт-то! – в сердцах сказала она вслух и огляделась.

Дачный поселок даже в разгар сезона казался немногочисленным. Этого помогали добиться высокие заборы и бурная зелень. Вот и сейчас присутствия людей Люциферовна не заметила. Наверняка кто-то возился в своём саду, но звать на помощь она не решилась. Ну, услышат, ну, придут. Ну, вызовут «скорую». Как же ей всего этого не хотелось! С другой стороны, можно просто вызвать такси самой. Но она не

была уверена, что сможет добраться даже до машины, не говоря о подъёме на третий этаж. Она снова осмотрела свою лодыжку, подтянув штанину джинсов. Лодыжка уже начала опухать и ныла. Люциферовна грубо выругалась.

– Чёртов Черныш! – добавила она, вспоминая родительского пса – если бы не он, Люциферовна не оказалась бы на даче. Можно было позвонить Анькиному мужу, Алексею: у них и машина имелась, но сейчас был разгар буднего дня, он, конечно, был на работе и так просто отпроситься не сумел бы. Да и маму не хотелось бы волновать. Она подумала, что было бы с мамой, если бы ей удалось тогда истечь кровью и ей снова стало не по себе. Да, тогда она совсем не думала о родителях.

Люциферовна стащила со спины рюкзак, нашарила трубку. Она начала прикидывать, кого ещё можно было призвать на помощь, и наткнулась на лишь вчера созданный контакт, того самого Всеслава, который так лихо разобрался с мазуриками. Посмотрела записанный адрес: живёт на Камнях⁵. Есть ли тачка – непонятно. Чем чёрт не шутит? Два раза он ей помогал, третий сам напрашивается. С него не убудет, и вот уж кого ей было не жаль тревожить, так этого Всеслава. Она решительно ткнула зелёную кнопку на экране и приложила телефон к уху.

– Слушаю, – ответил Всеслав.

– Ну, привет, – сердито начала Люциферовна. – Узнал,

⁵ Каменный остров

нет?

– Узнал. Мария Люциановна, кажется.

– Не кажется, верно. Бог Троицу любит, так ведь? Мне снова твоя помощь нужна. Так получилось...

– Что стряслось? – голос Всеслава звучал ровно, и Люциферовна не заметила насмешки в его словах.

– Стряслось, да. Я ногу подвернула. На даче. А тут ни души. По крайней мере, все прячутся. А ты у нас такой Чип и Дейл, все дела...

– Ясно. Где дача?

– А ты на машине или как?

– Или как.

– Ага. Тогда тебе на Финбан и до станции Грузино.

– Куда мне?

– А, так ты понаехавший... Тебе на электричку с Финского вокзала, говорю. А со станции позвонишь, я объясню, как до участка дойти.

– Я найду. Жди.

И Всеслав отключился. Ну и нахал, подумала Люциферовна. Не местный, но такой уверенный! Она хотела тут же ему набрать снова, чтобы объяснить подробности поездки, ведь он явно не понял... Но телефон Всеслава был занят. Названивает кому-то? Наверняка решил проявить себя всезнайкой, но все-равно нуждается в подсказках... Люциферовна плюнула и режала подождать.

Она кое-как добралась до скамейки у дорожки и взобра-

лась на неё.

Она вспомнила, как в детстве, ещё до школы, хотела стать балериной – по телевизору иногда показывали «Лебединое озеро». Там чудесные женщины в удивительных юбках, которые мама странно называла «пачками», изящно двигались в такт музыки на цыпочках, а самую главную, которая исполняла лебедя, ещё и кружил высокий мужчина, на котором, зачем-то, были колготы. Но ей не суждено было стать балетной: перед самой школой она умудрилась сломать ногу.

Вот ведь навязалась, подумал Всеслав. И что это с ней постоянно что-то случается? Может, очередная проверка меня на соответствие? Это он загнул, конечно. Никаких проверок, тем более очередных, ему не устраивали. Просто выглядело это как-то странно. Он эти странности-случайности не любил.

Разумеется, Всеслав не поехал на Финский вокзал. Для начала он переместился к этой Маше будучи бесплотным и разузнал что к чему. Осмотрел ногу. Перелома нет, потянула связки, дура: он понял, как ей это удалось, оценив дом на холме. Хоббитон, не иначе. Холодные компрессы, правильная повязка и покой на несколько дней сделают своё дело.

Он сумел её разглядеть ещё вчера, когда была эта возня с полицией. Курносая, губки пухлые, в целом симпатичная деваха. Красит волосы под блондинку. Фигура ладная, точёная, ноги красивые, грудь небольшая, острая. Бюстгальтеры

не жалуется.

Всеслав уплотнился за забором, подошёл к калитке, потянул ручку.

Люциферовна даже не успела засечь время, но приехал он на удивление быстро и сам нашёл участок!

– Ты следопыт, что ли? – вместо приветствия спросила она. Он подошёл, делая вид, что разглядывает участок, небрежно бросил:

– Нашёл и всё. Что у тебя на этот раз?

Люциферовна показала на лодыжку, пояснила:

– С крыльца сверзилась.

Всеслав присел у скамейки, осмотрел ногу, осторожно прощупал. Люциферовна с недоверием следила за ним.

– Что скажешь? – спросила она. Он встал, присел рядом на скамейку.

– Перелома нет, растяжение у тебя. Пустяки. Через неделю всё пройдет.

– Ну да, пустяки. Только я ходить не могу.

– Костыли я тебе организую. Поесть тоже. – Он взглянул на дом, заметил её этюдник в стороне. – Вполне можешь тут перекаптоваться. Ты же сюда для чего-то приехала?

Люциферовна вздохнула: в целом он был прав. Сидеть в такую погоду дома было бы примером дурного тона. И она действительно приехала сюда нарисовать для мамы картину. Неужели надо всё бросить и возвращаться ни с чем домой?

Она с любопытством посмотрела на Всеслава.

– И что? Станешь со мной возиться? Или принесёшь ко-
стыли, авоську из ближайшего лабаза и всё?

– Нет, конечно, – ответил Всеслав, немного раздражаясь.
– Запру тебя в доме и уеду. И мобильный отберу, чтоб не
беспокоила.

Они посмотрели друг на друга и Всеслав, невесело усмех-
нувшись, спросил:

– Бинты в доме есть? Надо компресс соорудить.

Люциферовна объяснила, где что найти, и Всеслав ушёл в
дом. Через несколько минут он вернулся, на ходу командуя:

– Подтяни штанину и носок сними.

Люциферовна подчинилась. Всеслав умело наложил на
лодыжку мокрую тряпицу, обернул сверху пергаментной бу-
магой, перебинтовал. Сказал:

– Осталось снабдить тебя припасами. Тут посидишь или
тебя до дома подбросить?

– Тут посижу, – Люциферовна слазила в рюкзак, достала
кошелёк, намереваясь выдать ему деньги на расходы, но Все-
слав махнул рукой:

– Не надо. После грóши свои отсчитаешь.

И он пошёл было к калитке.

– Подожди! – окликнула его Люциферовна. – Принеси из
дома стул, пожалуйста. Даже лучше табурет.

Всеслав принес старый табурет и, поведя вдоль участка
рукой, спросил:

– Где поставить?

Какой догадливый, подумала Люциферовна, и кивнула в угол у забора:

– Вон туда, плиз.

Всеслав поставил табурет у кустов красной смородины, вернулся к скамейке и быстро подхватил Люциферовну на руки. Она было хотела возмутиться, но вовремя прикусила язык: как бы ещё она туда добралась? Только при помощи прыжков... Он аккуратно опустил её на табурет, потом подошёл к этюднику и принёс его.

– Сойдёт?

Люциферовна кивнула:

– Спасибо, Всеслав.

– Не стоит, Мария Люциановна.

Люциферовна поморщилась:

– Слушай, зови меня Люциферовной. А то я себя училкой в классе чувствую.

– Люциферовной? – Всеслав усмехнулся. – Добротно. Ладно, пусть так.

И он ушёл.

Люциферовна принялась устанавливать этюдник. Картина, которую испортил Черныш, была написана с этого же ракурса, и она решила ничего не менять. Сейчас свет был ещё не тот, как в прошлый раз, но через час солнце должно было подсветить фасад дома и тогда будет то, что надо. Яблони на переднем плане останутся того же тёмно-зелёного оттенка, а

дом станет светлее, это как раз сделает его более лёгким, воздушным, почти как замок из облаков. Она ещё раз посмотрела на дом. Да уж, «замок». И как только она все хрустальные туфельки тут не растеряла, пока летела вниз. Даже удивительно, что мама ни разу здесь не упала, тьфу-тьфу-тьфу.

Люциферовна установила холст, выдавила на палитру краски и приступила к работе.

Она совсем не заметила, когда явился Всеслав. Он положил на траву у её ног два новеньких костыля и пакет с продуктами. Люциферовна удивилась:

– Костыли-то откуда?

– Купил, – пожал плечами Всеслав. Он присел у табурета Люциферовны и достал из мешка с продуктами эластичный бинт.

Люциферовна отложила палитру и кисти, задрала штанину джинсов. Всеслав быстро и привычно снял компресс, затем перебинтовал голеностоп, и сказал:

– Меньше на неё опирайся. Используй костыли.

– Хорошо, – согласилась Люциферовна. – Спасибо. Не знаю, как тебя благодарить.

– Не знаешь и ладно, – махнул рукой Всеслав. Он поднялся и добавил: – Знаешь, надо бы в доме окна открыть, проветрить. Сыро там у вас.

– Открой, пожалуйста, – Люциферовна снова взялась за кисть. Всеслав ушёл к дому.

К вечеру картина была готова. Люциферовна была до-

вольна: вышло лучше, чем на прежней. Ей удалось передать глубину рисунка, и это было даже лучше всего: такое ей удавалось не часто. Она взяла мастихин и принялась чистить палитру. Она вдруг вспомнила про Всеслава.

– Слава! – крикнула она, и он скоро появился на пороге.

– Ты там уснул, что ли?

– Так и есть, – ответил он. – Извини.

– Давай я помогу тебе проснуться. Вымой кисти, пожалуйста, а то они засохнут и тогда им конец. Там ракумоуиик на заднем дворе, налей воды только. Кажется, там бутылъ с «фейри» была. Если нет, намаыливай их хозяйственныи мылом – оно там точно есть и все дела. Только мой тщательно, пожалуйста.

Солнце начало заваливаться за ближайшие дачи, стало прохладнее. Люциферовна вдруг ощутила голод. Она прикинула и удивилась: она не ела больше четырёх суток! Она заглянула в пакет, который принёс Всеслав. Там был круг краковской колбасы, булка и буханка чёрного, несколько банок консервов, помидоры, огурцы. Ишь, хозяйственный, подумала она о Всеславе. Жена, наверное, не наладуется.

Потянуло дымом. Люциферовна посмотрела и поняла, что Всеслав разжёл костёр – сбоку от дома было кострище, обложенное кирпичами и давно, впрочем, не используемое. Подошёл Всеслав, подхватил пакет с продуктами и унёс к костру. Люциферовна взяла костыли и неспешно добрела до дома. Всеслав за это время успел организовать окружающее

пространство: принёс из дому складной стол, два табурета и теперь нарезал хлеб, овощи, вскрывал банки. Люциферовна опустила на табурет, отложила на траву костыли.

– Ну, как? Освоилась? – спросил Всеслав, кивнув на костыли.

– Да, вполне. Никогда прежде не приходилось на них ковылять, – сказала Люциферовна. Впрочем, она слукавила: на костылях ей довелось ходить в детстве, когда она сломала ногу.

– Ну, пусть это будет первый и последний раз, – добавил Всеслав.

– Слушай, будь добр, возьми картину, надо её в дом отнести. А то вороны только и ждут, чтобы её склевать.

Всеслав ушёл по склону вниз.

После ужина они сели по разные стороны костра и смотрели на огонь. В посёлке зажглись редкие фонари вдоль дорожек, разграничивающих участки. Изредка доносились звуки проезжавших поездов.

– Спасибо за угощение, – сказала Люциферовна. – Сколько я тебе должна?

Всеслав слазил в пакет, выудил чек, подал ей.

– Скинешь номер карты, я тебе после перешлю, – предложила Люциферовна и Всеслав кивнул. Она поёрзала на табурете и решилась:

– Так как же ты всё-таки оказался в моей квартире?

– Дверь у тебя была открыта, – ответил Всеслав и бросил в огонь прутик, который вертел в руках.

– Вот уж враки, – усмехнулась Люциферовна. – Я всегда дверь запираю и ключи в замке оставляю.

– А в тот раз, наверное, забыла, – равнодушно ответил он.

– Ну, ладно, забыла, – согласилась она. – А зачем вошёл? Только не надо рассказывать, что потоп случился. Сухо было в ванной. Да и слив наверху есть.

– Мимо я шёл. Просто почувствовал: что-то не так.

– От кого шёл? У тебя знакомые в нашем доме?

– Нет. Мимо дома шёл, – просто ответил Всеслав. Люциферовна удивилась:

– Почувствовал? Ты что, экстрасенс?

– Вроде того, – кивнул Всеслав, всё так же глядя на огонь.

– Докажи! – впилась в него глазами Люциферовна. Всеслав посмотрел на неё:

– Как? Рассказать тебе, что ты в бабушкину квартиру въехала, когда та умерла? Это и так было понятно, по квартире твоей. Фотографии там, мебель старая... Не хочу я ничего доказывать, – устало добавил он. – Я вообще «скорую» хотел вызвать.

Люциферовна осеклась, отступая, подумала и все-равно спросила:

– Что же не вызвал?

– Телефона не было с собой. Я к соседу твоему в дверь позвонил. Он тебе и кровь остановил. Только как – не пойму

до сих пор. – Он подумал и добавил: – Он и есть экстрасенс.

– Какой сосед?

– Андрей Николаевич. Дверь напротив твоей.

– Не знаю такого. Не знакома. Я вообще никого не знаю с лестницы, да и в доме тоже. Может, он врач? – Люциферовна посмотрела на повязку на запястье. Всеслав тоже на неё посмотрел и сказал:

– Не уверен. Ты повязку-то сними. Там ни шрама, ничего давно нет.

Люциферовна попросила:

– Дай нож.

Он встал, взял со стола нож, вытер о салфетку, протянул ей. Она разрежала бинт, размотала повязку и уставилась на запястье – кожа была девственно чиста, никаких порезов и шрамов.

– Не знала, что у меня такие соседи, – сказала она и бросила бинт в огонь.

– Я тоже не знал. Он меня и упросил побыть у тебя до твоего пробуждения. Я, мол, спешу, сам не могу. Сказал, дождёшься, когда проснётся, скажешь правду, почему тут оказался.

– А ты решил соврать, – покивала головой Люциферовна.

– Да. Правда была ещё неправдоподобнее. Но теперь ты знаешь всё.

Воцарилось молчание. Свистнула на станции электричка, залаяла собака, ей ответила другая, по поселку понеслась со-

бачья перекличка. Люциферовна достала сигареты, закурила.

– Ладно с моей берлогой, – снова сказала Люциферовна. – Но как ты в квартире Серёжки оказался? Там дверь захлопывается и снаружи не открыть. И вообще: получается, ты следил за мной, да?

– Нет, я не следил, – вздохнул Всеслав. – Это всё моя способность. Побыв с тобой несколько часов, я научился чувствовать всё, что с тобой случается. Ты ведь испугалась сильно. Вот я и почувствовал.

– Нет, Слава, ты был поблизости. Значит, следил, – покачала головой Люциферовна. Всеслав махнул рукой:

– Ладно: следил. Чувствовал, что с тобой должно ещё что-то случиться. Довольна теперь?

– Нет, не довольна, – буркнула Люциферовна. – Тебе бы вот понравилось, если бы за тобой кто-то следил? Даже из лучших побуждений?

– Нет. Меня попросили.

– Сосед? Как его...

– Андрей Николаевич. Он.

– Зачем я ему сдалась? – Люциферовна недоумённо смотрела на Всеслава. Он пожал плечами:

– Вот и спросишь его. А меня не мучай, пожалуйста.

Они помолчали.

– Послушай, Ма... – Всеслав осёкся. – Я буду звать тебя Лю. Ладно?

– Хм, – склонила голову набок, словно прислушиваясь, Люциферовна. – Лю. Ну, валяй, Слава.

– Так вот. Прости, конечно, но зачем ты решила... покинуть наш мир?

– У меня умер любимый мужчина, – сказала Люциферовна ровным голосом. – Погиб. Про теракт у Гостинки слышал?

– Слышал, – кивнул Всеслав и уставился в огонь. Они опять помолчали.

– И много из меня крови натекло? – спросила Люциферовна, пуская дым в сторону от Всеслава.

– Порядочно, – подумав, ответил Всеслав. – Не знаю, довезла бы тебя «скорая» или нет. Так что тебя сосед спас.

– Чип и Дейл спешат на помощь, – мрачно кивнула Люциферовна. – А как ты в Петербурге оказался?

– Переехал.

– Он тебя или ты его?

Всеслав усмехнулся:

– Посмотрим.

– И откуда ты такой?

– Из Москвы.

– А-а, подъезд, батон и бордюр. Ну и как тебе здесь?

– Мрачновато. Но в целом неплохо. Мне нравится.

Зазвонил мобильный Люциферовны. Она перехватила сигарету левой рукой, взяла трубку:

– Здравствуй, мама. Я в порядке. Нет. На даче. Как зачем?

Тебе картину рисовать. Ты же так переживала. Как ты, кстати? Ну и хорошо. Папочке привет. Да? Я очень рада. Но мы же с тобой вместе готовили. Ладно. Хорошо. Стойт, чего ему сделается. Нет, я луж не видела. Ну, наверное, завтра приеду. А может и послезавтра. Погода хорошая. Хорошо. Не волнуйся. Да. Пока.

Она спрятала трубку и предложила Всеславу:

– Если хочешь, можешь переночевать. Мёста хватит.

– Нет, я до дома. У меня дела.

– Как знаешь. Спасибо тебе.

– На здоровье. Я завтра приеду.

И он повернулся, чтобы уходить.

– Послушай, Слава, – остановила его Люциферовна. – Если уж ты так запросто заходишь в мою квартиру... Привези мне, пожалуйста, ноут. Только шнур и мышку не забудь. Да, и чая зелёного. Можно в пакетиках, без изысков.

Она швырнула окурок в догорающий костер, достала из рюкзака ключи и бросила Всеславу. Он ловко поймал, кивнул и стал спускаться по дорожке к калитке.

Люциферовне пришлось повозиться: на костылях не очень-то развернёшься. Сначала она собрала оставшуюся еду и отнесла в дом. Затем залила угли костра и начала действовать в доме. Закрыла окна, постелила на старом диванчике влажное, будто из советского поезда, бельё и улеглась. Скоро она согрелась и подумала: вот бы Серёжку сюда. И устало заплакала, уткнувшись в подушку.

Всеслав не умел перемещать такие сложные приборы, каким был ноутбук. Даже собственный смартфон он оставлял дома. Поэтому ему предстояло ещё раз проделать весь путь до дачи Люциферовны традиционным способом.

Утром он материализовался на площадке перед её дверью, достал ключи и вошёл в квартиру. Он нашёл рюкзак, сунул в него ноутбук, отыскал мышь и шнур зарядки. Заметил зарядку от мобильного и прихватил тоже. И тут в прихожей раздался звонок в дверь. Вот ещё некстати, подумал он. Кто это? Может, родители Люциферовны? Впрочем, мама знает, что она на даче. Всеслав осторожно подошёл к двери, сменил зрение и узнал соседа Люциферовны.

Его поразило его свечение. Такого он никогда не видел. Шар соседа был ярок, ровен и широк, никто из виденных Всеславом людей не обладал подобным свечением, разве что его наставники-коллеги по ремеслу.

– Откройте, Всеслав, – сказал Андрей Николаевич. – Вы же меня узнали.

Всеслав открыл дверь и отошёл, пропуская того в тесную прихожую. Сосед был в своём домашнем одеянии, чёрном спортивном костюме. На ногах мягкие тапки. Типичный экстрасенс, подумал Всеслав. Андрей Николаевич улыбнулся:

– Как там наша подопечная?

– Что-то не слишком вы её опекали, – усмехнулся Всеслав.

– Отдуться пришлось мне.

– Ну что ж, стало быть, всё прошло правильно, – согласился сосед. В скромности ему не откажешь, подумал Всеслав, а вслух сказал:

– Что прикажете делать дальше?

– Приказывать больше не буду. А вот если какие-нибудь вопросы появятся – милости прошу ко мне на огонёк.

Он кивнул и скрылся за дверью. Всеслав постоял в прихожей, переваривая новую информацию, потом вернулся в комнату за рюкзаком и тоже вышел из квартиры.

Он редко ездил на общественном транспорте, да и своя машина тоже была ни к чему. До этого дня. Но делать было нечего, и Всеслав поехал на вокзал. Уже в метро он понял, что надо было заказать такси и не париться, и решил подняться на поверхность. Он встал у дверей вагона и вдруг зацепился взглядом за рюкзак, что был на парне, стоявшем в проходе и внимательно изучавшего что-то в своём смартфоне. На всех застежках-молниях были одинаковые язычки, на которых рельефно присутствовала стрела. Точно такая же, которую заметил во взорванном троллейбусе Всеслав. Рюкзак на парне был почти пустой, и, возможно, всё это было простым совпадением, но Всеслав решил проследить за парнем. Тот вышел на Площади Восстания, поднялся на поверхность и двинулся по Лиговскому проспекту. Потом повернул направо в переулок. Здесь Всеслав увидел небольшой сквер, посреди которого на высоком постаменте задумчиво стоял зеленоватый Пушкин. Парень же зашёл в угловое здание, над

которым имелаась вывеска «Jet Computers». Тут же из двери вышел ещё один, на котором был точно такой же рюкзак, и в нём Всеслав увидел ноутбук в упаковке и ещё что-то из компьютерного «железа». Интернет-магазин, понял Всеслав. Ладно. Кажется, мимо. На всякий случай он запомнил адрес: угол Пушкинской улицы и Лиговского переулка.

Он приехал на такси: с рюкзаком и пакетом так было удобнее. Вошёл в калитку. От крыльца сейчас же заковыляла Люциферовна, говоря на ходу:

– Никогда бы не подумала, что буду с таким нетерпением тебя ждать! Привет.

– Привет. Как нога?

– Никак. Наступать больно. Чай купил?

– Купил.

– Только у нас не на чем вскипятить воду. Газ уже во всем посёлке есть, но мы же отсталые. У нас только электричество. А плитка, похоже, сдохла. Не греется.

Люциферовна заглянула в пакет:

– Ого! Ты зачем столько жратвы приволок? Я что тут, потвоему, месяц жить должна?

– Много не мало, – ответил Всеслав и потащил пакет с рюкзаком в дом, но Люциферовна отняла у него рюкзак. Потом он быстро разжёл костёр, соорудил из палок треногу, повесил над огнём старый чайник и отправился осматривать электроплитку.

– Вот молодец, – услышал он голос Люциферовны. – Хорошо, что захватил зарядку для телефона.

Она прихромала в дом, поставила мобилу заряжаться и вернулась на скамейку. Включила ноутбук и немедленно стала что-то править в макетах.

Всеслав починил плитку, снял с огня закипевший чайник, крикнул:

– Кипяток поспел. Где чашку взять?

Люциферовна оставила ноутбук, подхватила костыли, добралась до дома. Взошла на крыльцо, прошла внутрь, отыскала самую большую чашку.

– Ты будешь?

– Мне бы чёрного.

– В доме только чёрный и был.

Они заварили чаю. Пока он настаивался, Всеслав велел Люциферовне:

– Ну-ка, покажи ногу.

Она послушно закатала штанину. Он снял бинт, осмотрел отёк, потрогал чуткими пальцами:

– Больно?

– Немного. Болит, если наступать.

– Ничего. Скоро пройдёт.

И он снова крепко перебинтовал голеностоп. Потом они уселись прямо в доме пить чай. Люциферовна порылась в пакете, воскликнула:

– Здорово, что догадался захватить шоколад! Да ещё тём-

ный! Мне так его не хватало.

– На здоровье. Рад, что угадал.

Люциферовна закурила, разломала плитку шоколада на квадратики и принялась глотать отвар.

– Как тебе тут? – спросил Всеслав, чтобы развеять тягостное молчание. Люциферовна стряхнула пепел в походную пепельницу и сказала:

– Ничего. Я же, по сути, дома. Жаль, интернета здесь нет.

– Давай найдём, – предложил Всеслав.

– Давай.

Всеслав сходил за ноутбуком, принёс, поставил перед собой на стол, указал на клавиатуру пальцем и спросил:

– Позволишь?

– Валяй, – Люциферовна с интересом наблюдала. Всеслав пошуршал мышью, кликнул раз, другой, застучал по клавишам. Люциферовна глотала чай вперемижку с дымом и ждала. Всеслав повернул ноутбук к ней экраном:

– Вот тебе сеть. С соседа не убудет.

– Ты очень любезен, Слава, – сказала Люциферовна. – Послушай... Сильно я тебя отвлекаю? Ты уже столько возишься со мной.

– Нет, не сильно. Не переживай.

– Работа не страдает? Сейчас же будни.

– Работа у меня... особенная. Скользящий график.

– И кем скользяшь?

– А... – отмахнулся Всеслав. – Рутинка. Скука. Зато мо-

гу запросто таскаться по городу. И даже в пригород, как видишь.

Люциферовна выпустила дым и посмотрела Всеславу прямо в глаза:

– Спасибо, Слава. Ты меня очень выручил.

– Ладно. На здоровье. – Всеслав отставил пустую чашку и поднялся. – Не забудь регулярно снимать повязку, подождать полчаса и снова перебинтовать. Если что – звони. Вот ключи, – он выложил из кармана ключи, оставил на столе и вышел из дома.

Оставшись на даче более-менее обеспеченной всем необходимым, Люциферовна порадовалась этому факту: здесь никогда не был Серёжка и поэтому мысли о нём были не так остры, как, например, в её городской берлоге. Конечно, там он тоже оказывался редко, но иногда оставался на ночь, и потому жить в квартире сейчас было труднее.

Люциферовна полдня просидела над макетом и смогла отправить его клиенту, давно бившему копытом и грозившему штрафами. Как смогла, она объяснила ситуацию, в которой оказалась, и уверила, что больше задержек не будет. Клиент, разумеется, оказался в шоке от такого форс-мажора и, конечно, вошёл в положение, прислал список правок к макету, и Люциферовна продолжила работу.

Теперь торопиться домой не имело смысла. Разделавшись с одной работой, она получила новый заказ и пока ждала

правки по макету, задумалась о новой картине, благо в этюднике был ещё один запасной холст.

Как и советовал Всеслав, она регулярно перебинтовывала себе ногу. Передвигалась Люциферовна на костылях, и приноровилась управляться с ними довольно ловко. Она давно хотела написать вид поселка и лесов с крыши дома. Но, поглядывая на крышу, сомневалась, что сможет туда залезть с раненной ногой.

Утро снова выдалось безоблачное. Тренькнул телефон, Люциферовна сняла блокировку, тыкнула в экран, но промахнулась и попала в их переписку с Сережкой. В сердце угодила острая стрела, Люциферовна охнула и стремительно убрала мобильный. Со дна души поднималась мутная волна, грозя захлестнуть её депрессией. Люциферовна, не давая себе опомниться, схватила этюдник, отыскала лестницу и приставила её к стене веранды. Торопясь, она оступилась, но задержала падение, уцепившись руками за перекладину лестницы. Так, сказала она себе, свернуть себе шею можно успеть всегда, а сейчас успокойся и выдохни. Она перевела дыхание, дождалась, пока пульс умерил свой бег и осторожно, как альпинист, взобралась на крышу веранды. Дальше, на основной скат, она лезть не решилась, это уже было перебором, и расположилась здесь. Она снова отбросила мрачные мысли, и огляделась. Вид ей открылся не ахти какой, но и не бросовой. Солнце золотило и обогащало пейзаж, и Люциферовна приступила к работе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.